

№1 - 2019

АКАДЕМИК

НАУЧНЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ» РОССИЙСКОГО СОЮЗА ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА

НАУЧНЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

АКАДЕМИК

№1

МОСКВА, 2019

Возможность использования материалов журнала третьими лицами регламентируется лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Ярцун Сергей Васильевич

Директор

Воробьева Елена Николаевна

Научный редактор

Дидикин Антон Борисович

Выпускающий редактор

Пустовойтова Марина Владимировна

Веб-администратор

Геворкян Дмитрий Мушегович

Сайт журнала: <http://academic-journal.ru/>

E-mail: red@academic-journal.ru

НОУ ДПО «Академия» РСОЗ: <http://akademiyorsoz.ru/>

Редакция не располагает возможностями вести переписку, не связанную с вопросами публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций

Подписано к публикации 27 марта 2019г.

© АКАДЕМИК

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Евус Н.В., Недаев А.Н.</i> Цифровые коммуникации как средство взаимодействия общественности и власти	4
<i>Кузяшев А.Н.</i> Роль и место коучинга в коммуникациях компании	10
<i>Исаев В.Д., Гавлицкий Е.М. Терентьева А.Н.</i> Религиозный экстремизм и терроризм: социально-философский и психологический аспекты	17
<i>Кравцов Д.Н.</i> Советские «активные мероприятия» и стратегическая внешнеполитическая пропаганда в условиях информационно-психологического противоборства	25
<i>Зульфугарзаде Т.Э.</i> Конвергенция науки и гуманизма Чарльза Перси Сноу: правовые и социально-психологические аспекты	35
<i>Щукин А.В.</i> Правовая культура личности как ключевой фактор функционирования правовой системы	44
<i>Трофимец И.А.</i> Нравственность положений современного брачного права	54

ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Иерей Михаил Никитин.</i> Сущность, содержание и структура духовно-нравственного потенциала социальной работы	63
--	----

ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ВЛАСТИ

Евус Наталья Владимировна,
магистрант кафедры мировой философии и теологии
Луганского национального университета им. В. Даля
evus_n@rambler.ru

Недаев Андрей Николаевич,
магистрант кафедры мировой философии и теологии
Луганского национального университета им. В. Даля
neday_day@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы и перспективы использования информационно-коммуникационных технологий в организации взаимодействия органов государственной власти и общественности как фактора формирования открытого демократического общества, а также как диалогового средства коммуникации власти с народами.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационная политика, цифровая экономика, цифровые коммуникации, электронное правительство, электронный документооборот.

Концепция информационного общества предполагает существование ряда рычагов контроля граждан за деятельностью органов государственной власти, чем обеспечивается их реальное участие в управлении государственными делами.

Чрезвычайно важную роль в формировании информационного общества в условиях глобализации играет политико-правовая основа использования цифровых средств коммуникации. В научной литературе можно встретить утверждение о потере государством своей значимости в эпоху глобального информационного общества [1, с. 71].

Распространение трансконтинентальных телекоммуникаций и глобальных сетей, транснационального бизнеса «разрушает» национальные границы, что в свою очередь актуализирует идею об отмирании государства и подрыв государственной власти и контроля над развитием информационно-коммуникационной сферы. Этот процесс В. Бех определил как «размыwanie границ политики» в современном обществе [2].

Однако преуменьшать роль государства в информационную эпоху не стоит. Именно государство, через соответствующие органы власти, принимает законодательные акты, регулирующие информационную сферу, и формирует специально уполномоченные органы, которые контролируют и обеспечивают создание, использование, распространение и хранение информации. Государство играет в глобализационных процессах роль катализатора и координатора

изменений, происходящих в информационной сфере. Сложность исследования этого процесса вызывает необходимость применения междисциплинарного подхода к его изучению, поскольку только институциональные политические теории не способны осветить многие аспекты данного явления, в частности юридическую, аксиологическую, техническую стороны.

В связи с этим цель данной статьи состоит в определении роли информационно-коммуникационных технологий в отечественном политическом пространстве, а также направлений оптимизации работы органов государственной власти в контексте обеспечения прозрачного и открытого диалога органов власти с общественностью.

Использование государством новейших технологий позволяет развивать и совершенствовать возможности нации. Можно констатировать, что активное внедрение в сферу политики информационно-коммуникативных инноваций способствует демократизации общества, трансформации прежних представлений, установок, стереотипов людей, в результате чего изменяются многие формы поведения, отношений между политическими институтами и индивидами, а также ускоряется процесс становления гражданского общества, в котором главным является принцип верховенства права как средства, обеспечивающего защиту человека как высшей ценности[3].

Вопрос информационно-коммуникационного взаимодействия в своих работах исследовали такие известные зарубежные ученые как В. Гельман, Т. Карл, М. Кастельс, С. Блэк, Дж. Э. Грюниг, Ф. Джефкинс, С. Катлип, Ф. Китчен, Дж. Маркони, Ф. Сайтэл, Т. Хант, Я. Куйман, М. Гуревич и др.

Известный ученый Ю. Хабермас считает, что «современная модель взаимоотношений государства и граждан должна выстраиваться не по традиционному принципу субъект-объектных отношений (управляющие-управляемые), а на механизмах «коммуникативного поведения», то есть субъект-субъектных отношениях, на принципах определения равноправия как человека государственного, так и человека «частного», предусматривающий как главную демократическую процедуру «диалоговую коммуникацию» государственной власти и «свободной общественности» [4, с. 100]

Во многих современных исследованиях обращается внимание на тот факт, что в настоящее время сорганизуется общественный диалог – такое взаимодействие индивидов, групп и институтов в поле общественного сознания, в котором каждый партнер относится к другому как к субъекту, признавая его ценность, право на существование и независимость. С этой точки зрения политическая функция информационно-коммуникационных технологий заключается в обеспечении постоянного общественно-политического диспута, предусматривающего возможность электронного документооборота и обратной связи в реальном времени между властью и гражданами, что способствует дальнейшей демократизации и гуманизации общественной жизни.

В нашей стране долгое время господствовала информационная политика, при которой органы государственной власти только информировали население, а в обратном связи никто не уделял внимания. В целом такая позиция была ясна,

поскольку объяснялась нигилизмом и апатией внутри самого общества, отчуждением гражданина от процесса принятия решений. Сегодня политическая активность граждан растет. Они активно объединяются в общественные организации для организованного представления и защиты своих интересов во взаимоотношениях с государственными органами.

Эффективность государственной власти напрямую зависит от характера коммуникации как внутри самих органов власти, так и от степени вовлечения граждан в процесс принятия решений. Меняются, соответственно, функции основных субъектов такой коммуникации, поскольку взаимодействие осуществляется не только по вертикали, но и по горизонтали. Властные институты сегодня понимают, что информация – это то, что получается, а коммуникация – это то, что доходит, поэтому следует развивать именно коммуникационную, а не информационную составляющую своей деятельности.

Опыт демократических стран убедительно показывает, что эффективность подобной коммуникации значительно повышается при системном внедрении новейших технологий в этот процесс. Принятие согласованной нормативно-правовой базы и развитие единого информационного пространства должны охватывать развитие всех элементов современной информационной инфраструктуры технико-технологической базы органов власти, предусматривать создание единых правил формирования, учета, хранения, использования информационных ресурсов и форматов данных и протоколов для обеспечения взаимодействия всех субъектов информационных отношений в обществе [5, с. 141].

На законодательном уровне в РФ сегодня принято более 600 различных нормативно-правовых актов, регулирующих построение информационного общества. Однако нет ни одного законодательного акта по поводу именно цифровой коммуникации в системе органов государственной власти, что выглядит странно в условиях построения цифровой экономики, все практические аспекты определены на уровне подзаконных нормативно-правовых актов. Кроме того, большая часть их положений носит декларативный характер и сводится к информированию органами государственной власти населения через сеть Интернет о своей деятельности.

Часто в научной литературе процесс цифровой коммуникации между органами государственной власти и общественностью называют электронным правительством. Однако, как справедливо замечает румынский ученый С. Дан Сандор, «электронное правительство не ограничивается взаимоотношениями государства и гражданина. Оно имеет также и внутреннее проявление: внутри системы власти разные уровни (центральный, региональный, местный) и различные ветви власти (исполнительная, законодательная, судебная) также должны взаимодействовать с использованием Интернет-технологий в рамках процесса предоставления государственных услуг» [6].

В то же время, анализируя цифровую коммуникацию зарубежных органов власти можно сделать выводы, что она направлена, в первую очередь, на

создание и ведение диалога с основными целевыми аудиториями и сосредоточенность на предоставлении услуг граждан.

Так, в частности, в Эстонии функционирует Интернет-портал «Сегодня решаю я», с помощью которого гражданин республики может принять участие в управлении государством – высказать свое мнение о текущих процессах в стране, предложить поправки к законопроектам и тому подобное. Если идея поправки или другого предложения содержит рациональное зерно и поддерживается другими интернет-пользователями, эстонский премьер-министр отправляет это предложение со своей резолюцией в соответствующее министерство.

Интересно также и то, что в сфере использования цифровой коммуникации в деятельности органов государственной власти Эстонии введен инновационный подход к государственному планированию и финансированию этого процесса. Эстония отказалась от миллиардных бюджетов и капиталоемких долгосрочных государственных программ, рассчитанных на десятилетия. Ставка делается на конкретные проекты, которые выдвигают органы местного самоуправления, независимые организации, частные лица, которые постепенно сводятся в общую схему.

В Великобритании также смогли аккумулировать большинство услуг, необходимых гражданину, в единый портал Directgov. Заходя на данный сайт, человек не ищет министерство, которое решает определенную проблему, а раздел, где предлагается ее решение. Такой формат предоставления правительственных услуг на Directgov, с одной стороны, значительно упрощает процедуру обслуживания граждан, а с другой делает ее прозрачной и исключает любые основания для коррупции. Важно и то, что правительственные услуги на сайте приносят существенную экономию для государственного бюджета. Британцы подсчитали, что при предоставлении административных услуг, правительство получает 34-кратную экономию бюджетных средств. В общем, цифровая коммуникация между органами государственной власти и общественностью является составной правительственной политики на этапе анализа проблемы, принятия решения и его воплощения.

Интересен принцип построения правительственного портала Великобритании – услуги, которые можно получить на нем, сгруппированы вокруг «жизненных эпизодов человека» (образование, жилье, занятость, окружающая среда и т.д.) Отдельно в стране создан и правительственный консультационный портал, занимающийся, кроме практического консультирования, также и учетом мнений пользователей [4].

Таким образом, создание государством условий для свободного и всестороннего доступа граждан к решениям, которые принимают органы власти, а также учета различных взглядов и интересов – главная задача, которую необходимо решить для усиления демократии в России.

Для обеспечения распространения цифровой коммуникации между органами государственной власти и общественностью необходимо:

- реформирование отечественного образования в направлении формирования системы ценностей и приоритетов информационного общества, адаптации ее к вызовам информационного общества;
- обеспечить доступность как можно большего объема административных услуг и информации в сети Интернет;
- обеспечить простоту и доступность веб-услуг;
- развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, которая представляет собой совокупность территориально распределенных государственных и корпоративных информационных систем, линий связи, сетей и каналов передачи данных, средств коммуникации и управления информационными потоками, а также организационных структур, правовых и нормативных механизмов, обеспечивающих их эффективное функционирование;
- создание базы для развития цифровой коммуникации между институтами власти и общественностью, используя не только средства государственного бюджета, но и инвестиции от юридических и физических лиц;
- обеспечить реальным доступом к быстрому Интернету жителей сел, поселков, городов;
- сформировать четкую, иерархическую и согласованную нормативно-правовую базу для регулирования цифровой коммуникации между органами государственной власти и общественностью;
- разработать единые согласованные технические стандарты разработки информационных систем цифровой межинституциональной коммуникации, использование однородных интерфейсов, форматов данных, кодов и т.п.

Проведенный анализ взаимодействия органов государственной власти с общественностью с помощью средств цифровой коммуникации позволяет сделать следующие выводы:

- дальнейшее развитие цифровой коммуникации между институтами власти и общественностью невозможно без всестороннего политико-правового обеспечения развития компьютерной грамотности как среди сотрудников органов государственной власти, так и среди широких слоев населения;
- для полной реализации концепции электронного правительства и завершения процесса формирования в РФ информационного общества нужно активно вводить институт электронного парламента;
- действующей нормативно-правовой базе, регулирующей взаимодействие органов государственной власти с общественностью, присуща множественность, противоречивость и архаичность. Поэтому необходимо активизировать работу субъектов законодательной инициативы в этом направлении и на законодательном уровне закрепить принципы, этапы и основные направления формирования системы электронного управления и межинституциональной коммуникации;
- сфера цифровой коммуникации органов государственной власти и общественности требует имплементации и учета зарубежного опыта электронного управления;

– активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в процесс взаимодействия органов государственной власти между собой и с гражданами позволит активизировать демократические процессы в нашей стране и привлечь общественность к реальному управлению государственными делами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугаенко Ю.Ю. Информационное общество как современный этап общественного прогресса // Вестник КРУ МВД России, 2012. №3 (17). С. 70-72.
2. Сухов Е.И. Информационное общество как новое общество // Теория и практика общественного развития, 2011. №7. С. 101-103.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; ред. и вступ. ст. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
4. Квашнина Д.А. Информационное общество как феномен и тенденции его развития // Манускрипт, 2016. №12-1 (74). С. 100-102.
5. Nora S., Mine A. The Computerisation of Society. A Report to the President of France. Cambridge L., 1980.
6. Понарина Н.Н. Глобализация и информационное общество // Общество: политика, экономика, право. 2012. №1. С. 19-24.

DIGITAL COMMUNICATIONS AS A MEANS OF PUBLIC AND POWER INTERACTION

Evus Natalia V.,
Master`s Degree student,
Department of World Philosophy and Theology
Lugansk National University. V. Dahl

Nedaev Andrey N.,
Master`s Degree student
Department of World Philosophy and Theology
Lugansk National University. V. Dahl

Abstract: *article examines the problems and prospects of using information and communication technologies in organizing the interaction of public authorities and the public as a factor in the formation of an open democratic society, as well as a dialogue means of communication of power with the peoples.*

Keywords: *information and communication technologies, information policy, digital economy, digital communications, e-government, electronic document management.*

РОЛЬ И МЕСТО КОУЧИНГА В КОММУНИКАЦИЯХ КОМПАНИИ

Кузяшев Азат Нургалеевич,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных
дисциплин Башкирского кооперативного института (филиал)
Российского университета кооперации
azatkuz6565@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с возможностями использования коучинга в корпоративных коммуникациях.

Ключевые слова: коучинг, консалтинг, коуч-тренер, корпоративные коммуникации, бизнес-коммуникации.

Как известно, основной целью коучинга выступает оказание коучем (тренером) экспертной и психологической поддержки, которые направлены на решение актуальных задач клиента. Результатом коучинга выступает принятие клиентом решений, важных для ситуаций, где ответственность за реализацию принятых решений берет на себя сам клиент, а не коуч (тренер).

Обычно, процесс совершенствования внутренних коммуникаций, корпоративной культуры, а также смена парадигмы мышления сотрудников и руководства компании – это довольно длительный процесс. Такие процессы совершенствования необходимо начинать с собственников, владельцев и руководства компании. Коучинг может носить как разовый (ситуационный) характер, предусматривающие разовые сессии по решению конкретных задач управления, так и проектный характер, который представляет собой ряд целенаправленных процедур для достижения заранее оговоренных целей. В этом случае работа предстоит с отдельными сотрудниками компании или даже с целой группой сотрудников: персоналом конкретного отдела, подразделения или департамента.

Выделяют также индивидуальный и групповой коучинг.

Индивидуальный коучинг может проводиться в следующих формах:

- личные встречи и консультации;
- консультации по телефону или мобильной связи;
- переписка по электронной почте;
- консультации и общение по видеосвязи.

Индивидуальный коучинг – это во многом специфическая работа практического психолога в качестве консультанта руководителей высшего звена.

Руководителям самого высокого уровня, которые находятся на работе больше половины времени в сутки, чисто физически не хватает времени на самообследование и самоанализ собственного положения и своей миссии в деятельности компании. Коуч-консультант обычно может быть полностью объективным и ориентированным на интересы руководителя, как своего клиента.

Кому необходим коучинг?

Прежде всего, коучинг необходим не столько молодым, начинающим бизнесменам, сколько уже преуспевающим предпринимателям, которые уже практически преуспели в своем бизнесе. Далее, нужно иметь в виду, что выигрывать такой предприниматель хочет не столько окружающих его конкурентов, сколько самого себя на конкретный сегодняшний момент. Также, коуч-тренер не обучает предпринимателя «правильным» и распространенным в данном виде бизнеса «правилам и приемам игры»: для этого обычно имеется специальное обучение разного уровня - как для новичков, так и для продвинутых обучающихся. Коуч помогает человеку проявить, совершенствовать и наиболее эффективно использовать его личные сильные стороны, о которых многие или не догадывается, или догадывается, но не использует как базу для дальнейшего продвижения в бизнесе.

Возникает парадоксальная ситуация – нехватка навыков и качеств управления отображается не только в не очень успешно развивающемся бизнесе, но и в быстрорастущем бизнесе. Индивидуальная работа с владельцем или руководителем компании, как бы устраняя этот дефицит, в конечном счете, дает сильный импульс развитию всего бизнеса в целом и помогает:

- выявлению и фиксации четких целей и направлений развития бизнеса;
- выработке стратегий реализации планов дальнейшего развития;
- освоению необходимых навыков и техник управления персоналом и бизнесом.

В ходе взаимодействия со своим личным коучем (тренером) руководитель компании получает возможность:

- намного шире рассматривать конкретную ситуацию;
- правильно расставлять приоритеты и формулировать цели;
- объективнее оценивать функционирующие процессы в компании;
- объективнее оценивать собственные ресурсы и модели поведения;
- получить навыки в определении своего выбора, принимать правильные и качественные решения;
- обучаться более эффективным формам управления сложившейся ситуацией, самоуправлением и управления персоналом компании.

Тренер (коуч) может помочь руководителю компании использовать такие стратегии и навыки, которые значительно повышают эффективность планирования, позволяют выявлять и мобилизовать имеющиеся ресурсы, а также найти выход из, казалось бы, тупиковой ситуации.

Как известно, общий успех всей организации зависит от уровня профессионализма сотрудников компании, их приверженности корпоративным целям, ответственности и личной мотивации. Коучинг дает возможность соотнести цели перспективных и ценных сотрудников с целями компании, планировать их будущий карьерный рост, оказывает помощь в адаптации персонала к новым условиям (повышению в должности, ротации кадров), а также максимально расширить их потенциальные возможности. В данном случае коучинг может рассматриваться как:

- способ повышения самомотивации работника;
- вознаграждение или премирование за особый вклад или достигнутые показатели;
- мобилизация и концентрация внимания на достижение результата перед началом стратегически приоритетного процесса;
- адаптация к изменившимся правилам работы при повышении в должности или ротации;
- индивидуальный тренинг с целью развития конкретных компетенций и навыков.

В последнее время получила развитие такой вариант использования коучинг-технологий, как работа с группой или командой. Это может быть как совет учредителей компании, так и управленческая команда или проектная группа. Активное участие тренера (коуча) в бизнес-совещаниях и отдельная работа с группой или командой могут значительной степени оптимизировать процесс работы внутренних коммуникаций компании и способствовать:

- выработке общего видения перспектив, постановке реальных целей и выработке конкретных стратегий;
- достижению общего компромисса в спорных и конфликтных ситуациях и вопросах;
- более прогрессивному, заинтересованному и либеральному обсуждению планов работы всеми участниками;
- более рациональному и взвешенному принятию тех или иных решений;
- продвижению новых креативных процессов и разработке бизнес-идей.

Активное участие коуча в практических бизнес-встречах и совещаниях проходит наиболее эффективно благодаря тому, что коуч:

- формирует структуру процесса обсуждения и помогает увидеть ситуацию с разных точек зрения;
- мотивирует максимальное использование потенциала каждого участника;
- предоставляет полезную и объективную обратную связь;
- способствует сплочению группы или команды вокруг единой цели и созданию синергизма их действий;
- обучает членов команды эффективным формам взаимодействия.

Как правило, спрос к услугам коучей, возникает у крупных высокоразвитых компаний или относительно небольших фирм, руководители которых (обычно, они

же являются и собственниками фирмы) принимают решение повысить эффективность работы персонала организации. По данным мировой статистики, средняя эффективность работы львиной доли работников компаний составляет примерно 40%. Получается, что сотрудники фирм не прилагают максимум своих усилий на работе.

Обычно, когда конкретный человек приступает к новой работе, уровень его эффективности на работе бывает достаточно высоким, а в последующем его эффективность работы начинает постепенно снижаться. Учитывая данное обстоятельство, многие современные менеджеры высшего звена в ведущих корпорациях мира озабочены решением проблемы повышения такой эффективности. Чисто денежно-материальное стимулирование в настоящее время не всегда срабатывает. В таких условиях, управляющие компаний стараются найти те способы, которые помогут использовать в работе внутренний потенциал и возможности сотрудников. Коучинг, по существу, и выступает тем средством, который способствует раскрытию лучших качеств, что есть у сотрудников компании.

Необходимо иметь в виду, что коучинг находится на стыке бизнес-консультирования и психологии. Он включает в себя все множество подходов и процедур, которые применяются в корпоративном консалтинге, но самое главное – это индивидуальная работа и диалог с первыми руководителями корпорации. Задачами коуч-консультанта выступают:

- помощь клиенту в концентрации внимания на наиболее важных, приоритетных моментах его деятельности;
- обнаружить и включить внутренние ресурсы клиента;
- привести в действие систему мотивации;
- иначе, по-новому посмотреть на себя и на свой бизнес;
- наиболее эффективно и безболезненно увязать цели клиента с целями окружающих его сотрудников и его компании, чтобы исключить таким образом реакцию отторжения;
- решить регулярно возникающие кадровые вопросы (например, с кем-то из работников необходимо расстаться, а кого-то мотивировать на дальнейшую эффективную работу в компании).

Следует согласиться, что деятельность коуч-консультанта похожа на работу спортивного тренера по легкой атлетике: тренер не пробегает за своего спортсмена всю положенную дистанцию, зато хороший тренер обязательно поможет спортсмену актуализировать какой-то внутренний ресурс спортсмена, «поймать спортсменом свою игру», открыть в себе то сильное и особенное, что присуще только ему как уникальному спортсмену, что, в конечном счете, позволит ему добиться победы на спортивном соревновании. В нашей стране достаточно известной и популярной спортивной аналогией в бизнесе является методология коучинга, разработанная в 80-е годы 20 века американским финансовым консультантом Томасом Леонардом (Thomas J. Leonard) и представляющая собой аналогию работы спортивного тренера в бизнесе [1].

Некоторые исследователи сравнивают коучинг с психотерапией. В действительности коучинг и психотерапия – это две разные вещи. Психотерапевт в основном концентрируется на психологических проблемах и исследовании корней этих психологических проблем, а значит, ищет корни проблемы на прошлых ошибках пациента. Коучинг концентрируется на фундаментальных жизненных ценностях, целях и путях достижения этих целей, а также на успешных стратегиях клиента. Таким образом, коучинг ориентирован в будущее клиента, чем в прошлое клиента.

Еще одна особенность коучинга заключается в том, что коучинг – это взаимодействие партнеров, которые несут одинаковую ответственность за данный конкретный процесс. Взаимодействие таких партнеров направлено на достижение целей, обозначенных клиентом в начале их совместного пути. Следует подчеркнуть, что коучинг – это действительно путь, движение к желаемому результату, который клиент и коуч-консультант проходят вместе. Бывает, что руководителю трудно обсуждать какие-то вопросы с подчиненными в силу различных причин, а с руководителями своего уровня – в силу необходимости сохранять коммерческие тайны в условиях сложившейся рыночной конкуренции. В тоже время, у клиента с коучем-консультантом возможно установление вполне доверительных отношений в условиях полной конфиденциальности. Причем, технология коучинга такова, что обычно не требует конкретизации и детализации тех или иных аспектов совместно решаемой проблемы.

Коучинг также отличается от наставничества, основные положения и идеи которого во все времена были особенно актуальными для России, поскольку базовым принципом коучинга выступает непоколебимая уверенность в том, что в принципе все люди обладают гораздо большими внутренними способностями, чем те, что они проявляют и показывают в своей обыденной жизни. Коучинг же, в сущности, и направлен на то, чтобы выявить все эти способности [2].

Патернализм старших, более опытных коллег, безусловно, может быть очень полезным, но такой патернализм также способен и подавить тот самый скрытый внутренний потенциал человека, и поэтому прибегать к таким видам обучения следует крайне осторожно. Хороший тренер-коуч стремится в каждом работнике «выстроить» глубокую уверенность в своих силах, а это возможно только в том случае, если этот человек чувствует полную ответственность за результаты своей деятельности. В конечном счете, какой бы не применяли термин: «коучинг», «консалтинг» или «наставничество», если это делается хорошо, его эффективность в значительной степени обусловлена верой руководителя и менеджера в человеческий потенциал компании.

В каких элементах внутренних коммуникаций компании, когда и с какой целью следует использовать коучинг? Наиболее наглядные варианты применения коучинга – это:

- мотивация сотрудников;
- оценка качества работы персонала;
- делегирование полномочий;

- выполнение задач;
- решение проблем;
- планирование, организация и контроль;
- регулирование взаимоотношений;
- всестороннее развитие персонала;
- создание рабочих групп и команд;
- процесс работы в группах и командах.

Коуч-консультант не является человеком, который решает проблемы. Он - не учитель и не советчик, в меньшей степени инструктор или эксперт. Коуч – это лицо, которое создает психологические предпосылки и условия, повышающие степень осознания. Он является своеобразным мастером, который обладает способностью выслушивать и задавать вопросы. Цель коуча – оказывать помощь своему клиенту в обретении достаточно высокой степени ясности и принятии решений, которые необходимы клиенту для достижения поставленных им же задач.

Таким образом, коучинг, так же, как и консалтинг, достаточно широко представлены в внутренних коммуникациях компаний. В тоже время, каждый из них находят свою нишу в современной многообразной бизнес-среде. Руководителям компаний в каждой деловой ситуации следует конкретно определить, что необходимо использовать – коучинг или консалтинг? Необходима помощь консультанта, если срочно нужно мнение, рекомендации или оценка эксперта. Нужно привлечь консультанта, если необходимо быстро разработать и внедрить какой-либо проект без привлечения к данному проекту сил и возможностей большого количества сотрудников компании. В таких случаях консультант может дать свои экспертные знания и опыт, выполнит свой объём работ и порекомендует алгоритм дальнейшей работы в этой конкретной области.

Если же речь необходимо решать бизнес-задачи силами своих сотрудников компании, то в данном случае, разумно будет пригласить тренера-коуча. В конечном счете коучинг позволит клиенту-руководителю компании найти и осуществить наиболее эффективное решение поставленной задачи. Кроме того, такой коучинг будет инструментом для профессионального и личностного развития персонала компании.

Таким образом, в действительности, в бизнес-коммуникациях, коучинг и консалтинг очень хорошо могут дополнять друг друга. Дилемму о том, что будет наиболее правильно, целесообразно и оптимально использовать – это необходимо решать руководству компании в каждой конкретной складывающейся деловой ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сливаковская П. Спортинг или спортивные аналогии в работе бизнес-тренеров и консультантов [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/77/213/97491.php> (дата обращения 01.12.2018).

2. Воробьева Е. В., Разуменко В. А., Семенова Н. К. Сравнительный анализ коучинга и наставничества персонала организации, их характеристики // Молодой ученый. 2016. №12. С. 1193-1196. [Электронный ресурс]. URL <https://moluch.ru/archive/116/31385/>(дата обращения: 01.12.2018).
-

ROLE AND PLACE OF COACHING IN COMPANY COMMUNICATIONS

Kuzyashev Azat N.,
PhD in Economic sciences,
Associate Professor of the Department
of Humanities and Natural Sciences
disciplines of the Bashkir Cooperative Institute (branch)
Russian University of Cooperation

Abstract. *The article deals with topical issues related to the possibilities of using coaching in corporate communications.*

Keywords: *coaching, consulting, coaching coach, corporate communications, business communications.*

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Исаев Владимир Данилович,
доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой мировой философии и теологии
Луганского национального университета им В. Даля
vd.isaev@gmail.com

Гавлицкий Евгений Михайлович,
аспирант кафедры мировой философии и теологии
Луганского национального университета им В. Даля
Gavlickii@rambler.ru

Терентьева Анна Николаевна,
преподаватель кафедры литургики
Луганского богословского университета
anna.terenteva.94@mail.ru

Аннотация. *В условиях современных динамических изменений социально-экономической и политической обстановки в мире, расширения спектра рисков и угроз национальной и международной безопасности важное значение приобретает противодействие религиозному экстремизму и терроризму, что необходимо для формирования безопасности общественного пространства. В статье религиозный экстремизм и терроризм рассматривается как социально-философский феномен, имеющий антропологические, социально-экономические и психологические основания. Анализируются основные подходы к определению экстремизма и терроризма как угроз безопасности.*

Ключевые слова: *духовная безопасность, религия, терроризм, экстремизм, религиозный экстремизм и терроризм, угроза безопасности.*

В конце XX – начале XXI в. мир столкнулся с ростом экстремизма и терроризма, оказавшись совершенно не подготовленным ни к практической борьбе с этими социальными феноменами, ни к их теоретическому осмыслению.

На сегодня в политико-правовой практике бытуют следующие представления: экстремизм определяется как приверженность предельных взглядов и методов (преимущественно в политике) [1, с. 221], терроризм как «политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами» [2, с. 36], террор – физическое насилие вплоть до физического

уничтожения относительно политических противников»[3, с. 16].

В научной литературе принято выделение форм экстремизма и терроризма. Чаще всего исследователи говорят о трех основных формы проявления экстремизма: политическом, национальном и религиозном. В многонациональном и многоконфессиональных государствах, к которым относится Россия, особенно опасны последние две его разновидности.

Религиозный экстремизм – нетерпимость к представителям той же или других религий. Социальную базу религиозного экстремизма, как правило, составляют маргинальные слои общества. Экстремизм направлен на уничтожение существующих в обществе отношений и в конечном итоге на развал многонационального государства, и в этом плане он органически связан с сепаратизмом. Религиозному экстремизму свойственна приверженность к радикальным толкованиям вероучений, соответствующим методам распространения своих взглядов и реализации целей. Признаком религиозного экстремизма выступает крайняя нетерпимость к инакомыслию, восприятие своей исключительности и превосходства над окружающими, что, несомненно, представляет опасность для стабильного существования государства. Опасность религиозного экстремизма следует также из криминальных наклонностей членов сект, их зомбирования.

При всех существующих различиях в формах проявления экстремизма и терроризма можно выделить нечто общее – приверженность к крайним взглядам, действий, форм поведения, жизненной стратегии; склонности к использованию силовых, насильственных методов и средств достижения цели. В своих крайних формах экстремизм, так же, как и терроризм – это поведение, направленное на превышение пределов допустимого, умышленное нанесение вреда, разрушительное воздействие, угрожающее существованию человека, общества, природы.

Личности и социальные группы, выражающие радикальные взгляды, есть в любом обществе. Их деятельность в определенной степени амбивалентна: она может как стимулировать общественное развитие, так и препятствовать новациям и нововведениям, а также с определенной долей вероятности трансформироваться в экстремизм и его крайнюю форму – терроризм [4].

Терроризм признан одной из самых опасных социальных девиаций. В переводе с латинского «террор» означает «ужас», следовательно, терроризм – это использование устрашения для достижения политических, экономических или личных целей. Одновременно, терроризм – форма организованного насилия.

В РФ на сегодняшний день действуют несколько международных террористических организаций, с которыми ведется борьба спецслужбами. На территории государства «фиксируются» отдельные сторонники их идеологических принципов (особенно – среди иностранцев), преимущественно, выходцев из стран Ближнего Востока, Северного Кавказа, Северной Африки. ФСБ России в своей деятельности по противодействию международному терроризму руководствуется консолидированным списком Совета безопасности ООН (резолюция № 1267), в котором террористическими признаны 57 организаций, в том числе – «Аль-Каида»,

«Ансар аль-Ислам», «Асбат аль-Ансар», «Исламское государство» и др.

Основные причины терроризма – социально-экономические. Они выражены в крупнейшей социальной несправедливости, на которую затем наслаиваются многие другие обстоятельства. Социально-экономические причины окрашиваются в тот или иной политический, идеологический, национальный или религиозный цвет, поэтому еще более укрепляют террористическую направленность отдельных групп, слоев, народов. В связи с этим современный терроризм в широком смысле этого понятия – это, пожалуй, не столкновение религий, наций, цивилизаций, а антагонизм между страшной бедностью нередко богатых регионов и беспредельным богатством развитых стран. И здесь движущей силой выступает не столько сама бедность, сколько крупнейшая социальная несправедливость в мире, удерживаемая с помощью серьезного прямого или косвенного давления одних слоев общества над другими, одних стран над другими.

Бедность, как однажды сказал Махатма Ганди, – худшая форма насилия. Хотя сами идеологи терроризма нередко бывают людьми богатыми и влиятельными, своими идеями они могут мобилизовать тех, кто живет в крайней нищете, разочарован жизнью, чувствует отчаяние и готов убивать и сам идти на смерть. Терроризм – это оружие отчужденных, отчаявшихся людей и часто – продукт отчаяния [3]. Организованный терроризм представляет серьезную угрозу для человеческого сообщества. Признавая важность политических и экономических факторов, попробуем проанализировать терроризм с точки зрения его социально-психологических составляющих.

На сегодня при рассмотрении проблемы терроризма четко доминируют три концептуальные модели. Согласно первой теории, терроризм рассматривается в контексте конфликта двух цивилизаций: традиционной и современной; исламской и неисламской; западной и «остального мира». Другая точка зрения связана с признанием культурной травмы как основного источника террористического менталитета. Наконец, немало работ выполнено в психопатологическом подходе, в соответствии с которым поведение террористов связано с такими психическими расстройствами и патологическими состояниями, как паранойя или посттравматическое расстройство.

Одним из ведущих социальных факторов терроризма являются этнические конфликты. К культурным условиям, которые порождают террористическую психологию, относятся: небольшая численность этноса, тесные семейные и национальные связи, высокоразвитое чувство национальной гордости, традиционная воинственность народа, обостренная чувствительность к несправедливости, традиция мести за причиненные обиды, длительный опыт ведения войн. Этнические террористы – это большая группа, в которой выделяются, по меньшей мере, несколько уровней: идеологи, спонсоры, организаторы, исполнители. Мотивация людей, находящихся на разных позициях, может быть разной. Групповыми осознаваемыми мотивами обычно провозглашаются следующие цели: восстановить историческую справедливость; вернуть незаконно захваченные соседом территории; наказать обидчиков; получить политическую свободу; освободить из заключения своих людей и др.

Важным психодинамическим механизмом терроризма является культурная травма. Она передается из поколения в поколение в форме этнического мифа, заставляя конкретный народ приносить все новые и новые невинные жертвы на алтарь собственного стыда. При наличии в истории народа тяжелой психической травмы, связанной с массовым (национальным) унижением, через некоторое достаточно длительный период (десятилетия и даже века) могут сформироваться те или иные ошибочные идеи или идеи относительные. Последние при наличии сопутствующих условий превращаются в непоколебимую убежденность конкретного народа в своей правоте, избранности Богом, а также – в особой мессианской роли в сочетании с идеями гордости, величия и самопожертвования во имя искупления или мести, при этом такая «мессианская роль» может приобретать жестокие формы реализации. Особое значение при этом имеет механизм трансляции травматического опыта следующим поколениям. Подвергнуты психической травме взрослые на осознаваемом и бессознательном уровне встраивают «травматизированный образ себя» в формирование идентичности своих детей, награждая собственными фантазиями, страхами и тревогой [5].

Личная смерть террориста получает другую – положительную интерпретацию. За ней стоят важные вещи: религиозный подъем, приобретение вечной жизни, служение своей семье, героический подвиг во славу своего рода, а слияние этноса в монолитное образование сопровождается категорическим расщеплением мира на две категории – «свои» и «чужие». «Своим» приписываются положительные качества, на чужих проецируется все мыслимое и немислимое зло. Соответственно, «свои» возбуждают доверие и уважение, «чужие» – враждебность и агрессию. Внешний враг обезличивается, мифологизируется и перестает вызывать любые человеческие чувства, кроме отвращения и ненависти.

Стремление уничтожить враждебный мир приобретает форму доминирующей идеи. Переживания нацией поражения или унижения существенно повышает готовность людей к объединению вокруг авторитарных лидеров ответа на болезненные переживания вовне в форме агрессивных действий против предполагаемых обидчиков. Унижение переживается как тотальное поражение, что требует компенсации. Одновременно оно сопровождается ощущением собственной уникальности или избранности. Поскольку террористы действуют тайно, и нередко без предъявления конкретных требований, становится очевидным, что важен не результат, а сам факт ответа – бессознательных конфликтов.

Ни террористическую группу, ни террористическую организацию невозможно заставить отказаться от терроризма, так как это означало бы для них потерю существования, смысл которого сводится к возмездию или выживанию своей группы. Если сначала представление о внешней угрозе может быть чистой проекцией и не соответствовать действительности, то постепенно благодаря насильственным действиям самих террористов оно превращается в самореализованные пророчества – их реальное преследования. Одновременно

террористическая группа требует совершения актов для оправдания своего существования и поддержания внутренней сплоченности.

Терроризм, несомненно, является одним из проявлений деструктивной культуры, ориентированной на разрушение окружающего мира. В основе деструкции лежит проекция собственных страхов на окружающий мир. Под влиянием этого формируется «враждебная модель мира», когда другие культуры воспринимаются как неправильные, несправедливые, неверные, что является угрозой для жизни или идентичности этноса. В соответствии с этим происходит реконструкции всей социальной реальности.

По нашему мнению, еще одним важным свойством терроризма является его культовый характер. Терроризм формируется по механизмам деструктивного культа, который представляет собой деятельность социальной группы, в которой прослеживается фанатичное поклонение лидеру и его идеям, а также наносится реальный ущерб самим участникам культа или окружающим их людям[6].

К признакам деструктивности культа относят: наличие авторитарного лидера; мистификация лидера; выраженная зависимость членов группы от лидера; наличие идеологии; возвеличивание статуса группы с помощью идеи о ее особой социальной миссии; жесткие стандарты поведения; тотальный контроль сознания членов группы; стимулирование чувства вины, ненависти и страха; отпадение членов группы от окружающего мира; расщепление мира на «мы и они»; агрессия в отношении инакомыслящих и внешнего мира; озабоченность группы привлечением новых членов; озабоченность финансовыми вопросами; ритуализация жизни; символика; самопожертвование и жертвоприношения. Культовое жертвоприношение придает смысл смерти.

Благодаря тотальному контролю сознания – зомбированию адептов – их истинное «Я» подавляется, заменяясь псевдоидентичностью. Для этого используются самые разнообразные методы: сенсорная депривация или перегрузки; депривация сна; сексуальная депривация; различные диеты; гипноз; убеждения; визуализация; притчи и метафоры; медитация; моления; скандирование; пение; переосмысление прошлого опыта; поощрения и наказания; мистификация; повторения, монотония, ритм; отделение от прошлого; запрет на прежние социальные контакты; отказ от собственности и денежных средств; переход к культовой деятельности – делегирование ролей; изменение имени, языка, внешнего вида, семьи; индокриация: практикумы, семинары, лекции образования внутригрупповых пар с новыми ролевыми моделями, системой братства или товарищества [7, с. 72-73]. Структура культа, методы и средства контроля определяются особенностями личности лидера. Его главное качество – авторитарность и стремление к власти над людьми.

Можно утверждать, что, кроме денег, террористическая деятельность приносит человеку и иную ощутимую психологическую выгоду. Перечислим возможные индивидуальные мотивы вовлеченности в террористическую деятельность. Это: стремление к власти над людьми, поддерживаемое бессознательными фантазиями о собственном всемогуществе; враждебность, порождаемая личными травмами и требующая выхода наружу; внутренняя пустота,

толкающая на поиск острых ощущений в форме игры со смертью; стремление к изоляции вследствие хронического конфликта с обществом; стремление к саморазрушению вследствие бессознательного чувства вины; религиозные или националистические фантазии; поиск своей группы/семьи, вследствие социальной изоляции и размытой идентичности.

Таким образом, современный терроризм – это сложный социально-психологический феномен, для понимания которого необходимо психоаналитическое знание. Действия, призванные сдерживать террористов, должны основываться на глубоком понимании индивидуальной, групповой и социальной природы терроризма. Репрессивная тактика как первостепенный сдерживающий фактор может иметь противоположный эффект, усиливая групповую сплоченность и вызывая рост терроризма. Более перспективными являются мероприятия, направленные на эффективную информационную политику; снижение культурных барьеров, повышение этнической толерантности общества, стимулирование и облегчение выхода из террористических групп.

Наиболее тесно связана с терроризмом религиозная экстремистская деятельности. Религиозная экстремистская деятельность и религиозная террористическая деятельность соотносятся между собой как родовое и видовое понятия.

Психологическая природа религиозного терроризма и экстремизма объясняется тем, что он выражается в особом состоянии психики. Но психологическое свойство изучаемого явления носит вторичный характер, поскольку определяющее значение имеет фактор, который влияет на общественное сознание и провоцирует такое эмоциональное состояние. Им является религиозная идеология, отражающая политическую сторону исследуемого явления и имеющая первостепенное значение в понимании его сущности.

На наш взгляд, в отрыве от террористической или экстремистской идеологии терроризм и экстремизм существовать не могут, поскольку «приверженность к крайним взглядам и мерам» должна иметь под собой определенную идеологическую подоплеку, чтобы получить именно социально-политическую, а не психологическую оценку. При этом идеологические установки, составляющие, в дальнейшем мотивы криминального поведения, не следует отождествлять с ненормальными психическими состояниями, то есть психопатологиями, которые тоже могут выступать причинами совершения преступлений на религиозной почве.

Обычно совершению преступления экстремистской направленности предшествует длительная антиобщественная или противоправная деятельность. В подавляющем большинстве случаев преступники этой категории не раскаиваются в содеянном, сохраняют высокую степень готовности совершить новое преступление, не задумываются о последствиях.

Семья также не является сдерживающим фактором в этой ситуации, что объясняется следующими обстоятельствами: родители разделяют экстремистские взгляды детей и не видят ничего неправильного в их поведении, жалея лишь о

факте привлечения к ответственности; родители не являются авторитетом для детей, не способны контролировать их поведение, найти с ними общий язык; разрушение и маргинализация внутрисемейных отношений.

К религиозной экстремистской и террористической деятельности привлекаются люди, склонные к фанатизму. Для всех таких людей характерна повышенная внушаемость, что в определенных условиях позволяет в короткие сроки спроектировать поведение человека в нужном направлении.

Первичная идеологическая обработка осуществляется при первой возможности в любом месте (на улице, дома, в мечети, школе, больнице и т.д.). С потенциальным смертником (смертницей) начинают вести разговоры о том, как хорошо и почетно взорвать «неверных» и прямой дорогой пойти в рай. При этом широко используются национально-психологические особенности и трагические личные ситуации потенциального смертника.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что в борьбе с религиозным терроризмом и экстремизмом требуют своего решения проблемные вопросы: более четкое определение и разграничение прав и обязанностей структур исполнительной власти в противодействии религиозному терроризму и экстремизму; пределы ограничения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайных обстоятельств; принципы переговоров с террористами и экстремистами; ограничение участия высших должностных лиц государства в решении конфликтов; характер и пределы возможных уступок террористам; принципы применения силы и психологического давления на террористов и экстремистов (через их соучастников, единомышленников, близких родных, родственников); статус сотрудников спецслужб, внедряемых в ряды террористов; оценивание допустимых пределов применения силы, оружия и спецсредств; определение критериев превентивных военных мер с целью предотвращения террористических актов. Решение указанных проблемных вопросов позволит государствам эффективно противодействовать религиозному экстремизму и терроризму как угрозам национальной и международной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев А.К. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007.
2. Власов, В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика. М.: Изд-во РАГС, 2003.
3. Хоровинников А.А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. ... канд. философ.наук. Саратов, 2007.
4. Медведев И.А. Религиозный экстремизм как негативное явление в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015. №11-1. С. 131-134.
5. Абдулганеев Р.Р. Религиозный экстремизм: подходы к пониманию // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2010. №2. С. 151-153.

6. Кравцов Д.Н., Чилигин В.В., Татаркин А.В. Деятельность нетрадиционных религиозных движений на постсоветском пространстве как угроза национальной и международной безопасности // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля, 2017. № 4-1 (6). С. 70-74.
 7. Плужников Евгений Николаевич Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России // Вестник РУДН. Серия: Политология, 2010. №1. С. 71-78.
-

RELIGIOUS EXTREMISM AND TERRORISM: SOCIAL-PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Isaev Vladimir D.,
Doctor in Philosophical sciences, Professor
Head of the Department of World Philosophy and Theology
Lugansk National University named after V. Dahl,

Gavlitsky Evgeny M.,
PhD student, Department of World Philosophy and Theology
Lugansk National University named after V. Dahl

Terentyeva Anna N.,
Lecturer of the Theology
Lugansk Theological University

Abstract. *In the conditions of modern dynamic changes in the socio-economic and political situation in the world, expanding the range of risks and threats to national and international security, counteracting religious extremism and terrorism, which is necessary for shaping the security of public space, becomes important. The article considers religious extremism and terrorism as a socio-philosophical phenomenon with anthropological, socio-economic and psychological grounds. The main approaches to the definition of extremism and terrorism as threats to security are analyzed.*

Keywords: *spiritual security, religion, terrorism, extremism, religious extremism and terrorism, security threat.*

СОВЕТСКИЕ «АКТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ» И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Кравцов Дмитрий Николаевич,
аспирант кафедры общественных связей и медиаполитики
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
dmitrykrav.row@gmail.com

Аннотация. В период холодной войны СССР и США находились в состоянии перманентного информационно-психологического противоборства, которое осуществлялось с использованием средств пропаганды. В статье рассматриваются взаимосвязь «активных мероприятий», проводимых спецслужбами СССР, и стратегической внешнеполитической пропаганды как элемента советской внешней политики. Делается вывод, что «активные мероприятия» повлияли на дальнейшее развитие современных систем пропаганды.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационно-психологическое противоборство, «активные мероприятия», пропаганда, спецслужбы.

В разгар холодной войны информационно-психологическое противоборство (далее – ИПсП) стало элементом геополитической противостояния СССР и США, а также их блоков – Варшавского и Североатлантического, соответственно. В условиях интенсивного развития в западном мире информационных технологий спецслужбами противоборствующих государств пропагандистские технологии использовались как эффективный инструмент достижения политических целей, что обуславливалось спецификой пропаганды не только как средства политического информирования, но и средства информационно-психологического воздействия на массы.

В 60-80-е гг. XX века ИПсП США и СССР характеризовалось применением пропаганды как на тактическом и оперативно-тактическом, так и стратегическом (ключевом) уровнях. В связи с этим в СССР стратегическая внешнеполитическая пропаганда инициализировалась в качестве одного из главных немилитарных инструментов внешней политики Советского Союза, который применялся МИДом и спецслужбами.

Для достижения целей стратегической пропаганды по информационно-психологическому воздействию на духовную сферу жизнедеятельности противника без применения военной силы государственные органы СССР применяли широкий комплекс не только собственно пропагандистских, но и иных обеспечительных мер. Советскими спецслужбами такие внешнеполитические меры

именовались «активными мероприятиями» (англ. – «activemeasures») – «мероприятиями по созданию агентурных позиций в лагере противника и его окружении, ведению оперативных игр с противником, по дезинформированию, компрометации и разложению сил противника, выводу на территорию лиц, представляющих оперативный интерес, по добыванию разведывательной информации и т. д.» [1, с. 161-162.].

В свете теории ИПсП под «активными мероприятиями» необходимо понимать наступательный комплекс специальных мероприятий (пропагандистских, а также дипломатических, социально-экономических и иных обеспечительных), проводимых спецслужбами, их «агентами влияния» и «организациями прикрытия», в целях информационно-психологического воздействия на целевые аудитории противника, его союзников, а также нейтральных стран.

Теорию и практику ведения «активных мероприятий» разрабатывали в СССР для ведения идеологической (прежде всего, информационной) борьбы с США и их союзниками. «Активные мероприятия» включали в себя стратегические пропагандистские меры (в т.ч. дезинформацию), деятельность аффилированных международных неправительственных и общественных организаций, а также иных агентов влияния; и входили во внешнеполитическую доктрину СССР как форма ведения стратегической внешнеполитической пропаганды (в т.ч. стратегической военной спецпропаганды), осуществляемой разведывательными органами Советского Союза.

В научном сообществе не сформировалось единого подхода к определению времени зарождения концепции «активных мероприятий». Ряд западных ученых связывает начало разработки и применения концепции «активных мероприятий» с гражданской войной в России (1918-1922 гг.) и появлением первого советского централизованного органа разведки и контрразведки – ВЧК [2, р. 27-45]. Это обусловлено тем, что в своей деятельности по «борьбе за победу коммунизма» ВЧК осуществляла не только оперативно-агентурные, но и пропагандистские мероприятия по противодействию контрреволюционным группам за рубежом. Для проведения таких мероприятий по инициативе ОГПУ (правопреемника ВЧК) в 1923 г. было создано межведомственное Бюро по дезинформации (Дезинформбюро), с временем его создания необходимо связывать зарождение концепции «активных мероприятий».

Активное использование советскими спецслужбами пропагандистских мероприятий против западных стран начинается с начала 60-х гг. Тогда же в США предпринимаются первые попытки системно исследовать советскую пропаганду. После бегства в США чешского разведчика Л. Бритта, который два года работал в Департаменте дезинформации, Соединенным Штатам стало известно о существовании в СССР концепции «активных мероприятий». По сведениям Л. Бритта, проведение «активных мероприятий» включает «распространение дезинформации, черной пропаганды, а также осуществление операций воздействия». Их основными целями являются «влияние на общественное мнение некоммунистических стран для дезориентации мирового сообщества и подрыва позиции США по всему миру», а также «введение в заблуждение лиц,

принимающих решения, в некоммунистических странах с целью заставить их принять неправильные решения» [3, р. 2].

К концу 70-х гг. термин «активные мероприятия» инициализируется в документах ЦРУ и Госдепартамента США как самостоятельный, появляются научно-аналитические разработки «активных мероприятий» как мероприятий советской пропаганды. Однако наибольшее внимание со стороны разведывательных и дипломатических структур США к концепции «активных мероприятий» появляется после бегства в США офицера КГБ СССР С. Левченко, который несколько лет в резидентуре советской разведки в Японии работал по направлению организации и ведения «активных мероприятий».

В феврале 1980 г. заместитель директора по оперативной работе ЦРУ Д. Мак-Махон заявил, что советские «активные мероприятия» несут угрозу демократическим странам и это обуславливает необходимость противодействия этим мероприятиям [4, р. 5]. В связи с этим в 1981 г. в США создается Межведомственная рабочая группа по «активным мероприятиям» (The Interagency Active Measure Working Group – AMWG), в которую вошли представители разведывательных, дипломатических и военных ведомств, а также информационных агентств. Основной целью деятельности Группы было противодействие операциям советской пропаганды и дезинформации (черной пропаганды), которые реализовывались при помощи «активных мероприятий» [5, р. 25-32]. Создание межведомственной Группы позволило системно реализовывать контрпропагандистские мероприятия, вовлекая в них не только аппарат ЦРУ и иных спецслужб, но и гражданские структуры – информационные агентства, общественные и религиозные организации и др.

Повышенное внимание западных ученых к тематике советских «активных мероприятий» и пропаганды начинается в 1984-1985 гг. в связи с изданием книги Р. Шульца и Р. Годсона «Дезинформация: активные мероприятия в советской стратегии», а также появлением государственного запроса на разработку гражданскими экспертами мер противодействия распространению советских малых нарративов и пропагандем о мировой угрозе, которую несет Стратегическая оборонная инициатива США, а также создание нейтронной бомбы.

Первые системные исследования теории и практики «активных мероприятий» можно найти в работах эксперта Л. Сулка. В 1985 г. он опубликовал книгу «Активные мероприятия, "тихая война" и две социалистические революции», в которой обобщил практики ведения советской разведкой «активных мероприятий» в 60-80-е гг. «Активные мероприятия» понимаются автором как «скрытые и открытые техники воздействия на политические события, поведение и активность зарубежного населения» [6, р. 8], поэтому относятся им к невоенным средствам геополитического противостояния.

В 1986 г. информационно-аналитическим подразделением ЦРУ SOVA (CIA's Office of Soviet Analysis), которое занималось комплексным изучением внутренней и внешней политики СССР, был подготовлено комплексное исследование советских пропагандистских мероприятий – «Аппарат советской внешнеполитической пропаганды» [7], в котором был дан экспертный анализ

механизмов, средств и методов ведения советской пропаганды на стратегическом (международном) уровне. В исследовании «активные мероприятия» рассматриваются как пропагандистские операции (мероприятия) по ведению «серой» и «черной» пропаганды, они противопоставляются официальной «белой» пропаганде (классической).

Представляется важным, что американские ученые хотя и не отождествляли, но сближали понятия «пропаганда» и «активные мероприятия», справедливо отмечая пропагандистскую сущность последних, в связи с чем осмыслили их в соответствующих категориях. Так, Д. Кукс предложил исследовать специфику ведения «активных мероприятий» на основе модели дифференциации пропаганды на «белую», «серую» и «черную», однако наполнив её самостоятельным смыслом. В комплексе внешнеполитических действий СССР эксперт выделял «белые», «серые» и «черные» мероприятия, осуществляемые в интересах коммунистической политики:

– «белые»: реализация различных пропагандистских и дипломатических мер (в т.ч. социально-гуманитарных и экономических), субъект которых известен и не скрывается – СССР;

– «серые»: использование международных и национальных неправительственных и общественных организаций, медиа, а также партий (зачастую, социалистических или коммунистических), при котором их связь с СССР не афишируется, однако понятна аудитории;

– «черные»: использование спецслужбами СССР «агентов влияния», распространение дезинформации, введение в заблуждение политических субъектов и аудитории и др., при котором засекречивается связь СССР с проводимыми деструктивными по отношению к противнику действиями [8, р. 19].

По мнению Д. Кукса, в комплекс «активных мероприятий» входят «серые» и «черные» мероприятия, границы между которыми в политической практике установить сложно. Роль «белых» мероприятий – создавать основу внешней политики. Такую позицию разделяет Д. Хьюз, который в своей статье «Активные мероприятия» указывает, что в 80-е гг. Советский Союз стал более изощренным в вопросах организации и ведения дезинформационной пропаганды [9, р. 18].

Ключевое место в арсенале «активных мероприятий» занимала дезинформация. К наиболее известным результативным советским дезинформационным мероприятиям необходимо отнести управляемое распространение в западной прессе дезинформационных сведений о причастности ЦРУ к убийствам политических деятелей (Д. Кеннеди, П. Лумумба, М. Л. Кинг, У. Пальме и др.), к созданию СПИДа, о применении американцами химического оружия во Вьетнаме и т.п. Анализ специфики их проведения позволяет утверждать, что дезинформация применялась советскими спецслужбами не только как инструмент реализации внешней политики и ведения разведки, но и как пропагандистское средство воздействия на широкие зарубежные.

В целях ведения дезинформации спецслужбами использовались технологии «серой» и «черной» пропаганды. Дезинформирующие сведения распространялись опосредованно – по каналам, которые не были официально связаны с СССР

(например, некоммунистическую прессу) и к которым дезинформация поступала от иных источников, являющихся скрытыми «агентами влияния» или «организациями прикрытия» советских спецслужб. Дальнейшее тиражирование дезинформации происходило со ссылкой на западные СМИ, что минимизировало возможность уличить СССР в проведении «активных мероприятий», а также повышало «доверие» целевых аудиторий к содержанию нарративов и пропагандем, содержащихся в дезинформационных сообщениях.

Говоря о структуре «активных мероприятий», необходимо отметить, что, по мнению экспертов-разработчиков отчета ЦРУ «Советские активные мероприятия и дезинформация», в число основных операций, которые относятся к «активным мероприятиям», входят:

- контроль информационного пространства в западных и социалистических странах;
- дезинформационные мероприятия;
- использование для распространения политической информации международных советских (АПН, газеты «Известия», «Правда» и др.) и зарубежных медиа;
- организация культурных, научных и образовательных обменов для творческих коллективов, ученых, студентов, а также развитие внешнего туризма;
- инвестирование в культурные зарубежные проекты СССР, социалистических стран, просоветских общественных групп и организаций;
- создание поддельных правительственных и частных документов, писем и телеграмм, содержащих компрометирующие политику США сведения;
- распространение слухов, направленных на нанесение ущерба имиджу западных стран;
- поддержка и управление деятельностью общественных «организаций прикрытия» (например, «Всемирный Совет Мира», «Всемирная федерация демократической молодёжи», т.н. «общества дружбы» и др.), которые используются СССР для «демонстрации, публикации, лоббирования или иного распространения сообщений»;
- использование ресурсов религиозных организаций как каналов пропаганды (представительства религиозных организаций СССР за рубежом, организация «Христианская мирная конференция»);
- подпольное радиовещание;
- экономические меры манипуляции рынком, а также взаимодействие с бизнес-структурами;
- использование «агентов влияния» (журналистов, общественных и политических деятелей, предпринимателей и т.п.) для распространения слухов и дезинформации;
- создание и поддержка оппозиционных сил в западных странах в целях поддержки советской пропаганды [10].

В американских исследованиях довольно подробно описывается механизм организации и ведения «активных мероприятий», который является общим для стратегических политических коммуникаций не только СССР, но и других

прогрессивных стран (в т.ч. США). Однако пока не сформирован единый подход к пониманию алгоритма организации и проведения «активных мероприятий». По нашему мнению, он включает следующие этапы:

- согласование с руководством «активных мероприятий»;
- сбор и анализ тематической информации, разработка идей и планов;
- оценка идей и планов руководством;
- подготовка к проведению «активных мероприятий»;
- реализация запланированных мероприятий;
- сбор и анализ информации о ходе и успешности реализации «активных мероприятий»;
- доклад руководству о результатах мероприятий и разработка направлений их трансформационного развития.

В целях достижения результативности «активных мероприятий» механизм их проведения был субъектно иерархизирован и централизован. Так как «активные мероприятия» проводились в геостратегических целях внешней политики, ключевую роль в их ведении в качестве основного субъекта стратегической пропаганды (её «заказчика») играл высший государственный орган СССР, определяющий внутреннюю и внешнюю политику, – ЦК КПСС и его уполномоченные отделы.

Главной государственной структурой, в полномочия которой входило определение направленности и специфики внешней политики СССР, был Международный отдел ЦК КПСС. Он собирал и анализировал получаемые от МИДа, КГБ, военной разведки и аналитических структур сведения о геополитической обстановке, разрабатывал для Политбюро проекты решений по наиболее важным вопросам внешней политики, курировал реализацию внешнеполитических мер Советского Союза (в т.ч. пропагандистских, на которые выделялись около 3-4 млрд. долларов в год). В сфере идеологической борьбы Международный отдел был уполномочен на санкционирование стратегических «активных мероприятий», а также контроль и координацию деятельности спецслужб в сфере внешней политической безопасности.

Необходимо отметить, что Международный отдел не только занимался санкционированием многочисленных тактических и оперативно-тактических операций, разработанных КГБ на основе «традиционных» методов дезинформационной пропаганды и использования агентов влияния, но и самостоятельно разрабатывал долгосрочные стратегические «активные мероприятия», решение о реализации которых принималось Политбюро ЦК КПСС.

Ключевым исполнительным субъектом стратегической пропаганды СССР были уполномоченные органы КГБ – Служба «А» Первого главного управления КГБ СССР. Она была создана в 1962 г. на базе отдела «Д» (дезинформации), который появился в 1959 г. после трансформации службы дезинформации Комитета Информации МИД СССР [11, с. 283-288].

В соответствии с «Разведывательной доктриной» (1974 г.) на ПГУ КГБ СССР и его профильную Службу «А» в сфере «активных мероприятий» возлагались задачи, которые способствовали:

- реализации внешней политики СССР;
- противодействию идеологическим диверсиям противника против СССР и его союзников;
- «консолидации коммунистического движения, усилению национально-освободительной и антиимпериалистической борьбы»;
- экономическому и научно-техническому развитию СССР;
- разоблачению агрессивной военной политики противника против Советского Союза;
- «дезинформации противника относительно подготавливаемых или проводимых СССР внешнеполитических, военных и разведывательных акций, состояния военного, экономического и научно-технического потенциала страны»;
- компрометации враждебно настроенных по отношению к СССР политических деятелей [12, с. 77-80].

Структура Службы «А» и специфика её деятельности стали известны западным спецслужбам после бегства в США С. Левченко. На основании его показаний было составлено подробное описание основных направлений деятельности Службы, которое вошло в ныне рассекреченный аналитический материал ЦРУ – «Ежемесячный обзор по СССР» за апрель 1983 г. [13].

В организационную структуру Службы «А» центрального аппарата ПГУ входили отделы, которые занимались координацией проведения «активных мероприятий» и вербовкой в этих целях перспективной агентуры. Штат отделов составлял более 100 сотрудников. 6 отделов Службы занимались исключительно разработкой и проведением активных мероприятий для резидентур в капиталистических странах, работая по географическому принципу:

- 1-й отдел – США и страны Латинской Америки;
- 2-й отдел – Великобритания и страны Британского Содружества;
- 3-й отдел – ФРГ, Австрия, Скандинавия;
- 4-й отдел – Франция и остальные западноевропейские страны;
- 5-й отдел – Австралия, Южная Азия и Япония;
- 6-й отдел – развивающиеся страны.

В целях вербовки иностранных граждан для их вовлечения в проведение «активных мероприятий» функционировали отделы, которые занимались формированием агентуры из числа:

- 7-й отдел – туристов;
- 9-й отдел – студентов;
- 10-й отдел – журналистов.

В пропагандистских целях сотрудниками Службы подготавливались для распространения газетные и журнальные статьи, книги, теле- и радиосообщения, содержащие выгодные СССР нарративы, фабриковались фальшивые документы, разрабатывались правдоподобные слухи и др. Для повышения эффективности этой работы Службой в качестве переводчиков и консультантов привлекались переселившиеся в СССР иностранцы, владеющих всеми тонкостями языка, культуры и образа жизни своих стран.

После согласования Международным отделом и/или Политбюро концепции конкретных «активных мероприятий» Службой проводилась разработка стратегии проведения «активных мероприятий», включающей план «активных мероприятий», графики задействования сил и средств, субъектные обязанности и т.д. Непосредственная реализация планируемых «активных мероприятий» проводилась сотрудниками резидентур, зарубежными коммунистическими партиями и движениями, международными неправительственными и общественными организациями, а также СМИ.

В оперативный состав каждой легальной зарубежной резидентуры советской внешней разведки входили Заместитель резидента по линии «ПР» (политической разведки), а также сотрудники линии, которые занимались «активными мероприятиями» и вербовкой для их реализации иностранных граждан. Заместитель резидента по линии «ПР» получал от Службы «А» задания и инструкции по проведению «активных мероприятий», распределял работу между сотрудниками линии, а также ставил задачи перед агентурой. В число последней могли входить завербованные политические и общественные деятели, интеллигенция, «лидеры общественного мнения», журналисты, духовенство и др. Так, по данным перебежчика С. Левченко, в токийской резидентуре советской разведки работали «полдюжины» сотрудников линии «ПР»: они специализировались на операциях по влиянию и создали «Группу активных мероприятий», в которой состояли около 25 агентов.

Ключевую роль в работе Службы «А» играли иностранные журналисты, которые вербовались как за рубежом, так и в Советском Союзе. Вербовка в иностранных странах осуществлялась сотрудниками резидентур, а на территории СССР – силами сотрудников Службы «А» и/или подразделений Второго главного управления КГБ (контрразведки). Завербованных журналистов привлекали для проведения как открытых, так и тайных «активных мероприятий».

Как отмечали американские эксперты, «активные мероприятия», предпринимаемые Службой «А», имели различные формы, и эффективность реализации повышалась за счет комбинированного использования различных пропагандистских средств. «Скрытое размещение в прессе пропагандистских материалов, например, совмещалось с использованием несоветских медиаресурсов, что было необходимо для создания впечатления широкого распространения политических тем, выдвигаемых СССР. При этом КГБ разрабатывал подделки для предоставления документальных «доказательств» в отношении событий, которые освещались в этих материалах [13]. Достижению целей применения пропагандистских средств в ходе «активных мероприятий» также служило тиражирование распространяемых нарративов в целевых группах «агентами влияния», передовыми общественно-политическими группами и организациями, контролируруемыми КГБ.

Обобщая вышесказанное о деятельности КГБ СССР как исполнительного субъекта стратегической пропаганды, можно утверждать, что Служба «А» как самостоятельная служба в структуре ПГУ КГБ СССР в ходе проведения «активных мероприятий» имела широкие полномочия. В зависимости от обстановки и хода

реализации плана «активных мероприятий» Служба имела право использовать не только свои силы, средства и методы, но и направлять поручения другим подразделениям КГБ, директивно вовлекать в реализацию операций сотрудников любых советских учреждений, ведомств и организаций, а также личный состав Вооруженных Сил.

После окончания холодной войны и ликвидации КГБ СССР исследования концепции «активных мероприятий» в аналитических структурах разведывательных служб и Госдепартаменте США были преимущественно свернуты за ненадобностью. Однако научные разработки темы продолжались, что было обусловлено актуализацией коммуникативных исследований информационно-психологических средств, используемых как инструменты внешней политики. Исследованные американскими экспертами элементы системы советских «активных мероприятий» были использованы для создания концепции т.н. «стратегических коммуникаций», которые, являясь трансформированным видом стратегической пропаганды, выступают в качестве современного инструмента внешней политики США и их союзников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Контрразведывательный словарь. М.: Высшая краснознаменная школа Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР им. Ф. Э. Дзержинского, 1972.
2. Bass C. Building Castles on Sand: Underestimating the Tide of Information Operations // *Airpower Journal*, 1999. Summer. P. 27-45.
3. Testimony of Lawrence Britt before the Senate Internal Security Subcommittee P. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP73B00296R000200170082-2.pdf>
4. How the soviets funded american communists // *Inside Washington*, 10 October 1980. P. 5.
5. Fletcher S., Lamb C. J. Deception, Disinformation and Strategic Communications: How One Interagency Group Made a Major Difference // *Strategic Perspectives*, 2012. June.
6. Sulc L. Active measures, quiet war and two socialist revolutions. Washington, D.C.: Nathan Hale Institute, 1985.
7. The soviet foreign propaganda apparatus, 11 January 1986. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIARDP88G01116R000800900003-2.pdf>
8. Kux D. Soviet active measures and disinformation: overview and assessment // *Parameters, Journal of the US Army War College*, 1985. № 4 (15). P. 19.
9. Hughes J. Active measures // *Christian science monitor*, 1985. 14 June. P. 18
10. Soviet active measures and disinformation: speech on soviet active measures, 16 May 1986. 17 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIARDP89G00720R000500060008-2.pdf>

11. Тьерри В. КГБ во Франции. М.: Центрполиграф, 2000. С. 283-288.
 12. Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб., 2001. С. 77-80
 13. USSR Monthly Review – Directorate of Intelligence, 1983. April 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/T01083R000100050002-2.pdf>
-

SOVIET «ACTIVE MEASURES» AND STRATEGIC FOREIGN POLICY PROPAGANDA UNDER THE INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WARFARE

Kravtsov Dmitri N.,
PhD student,
Department of public relations and media policy
Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian Federation

Abstract: *During the Cold War, the USSR and the USA were in a state of permanent information and psychological confrontation, which was carried out using propaganda. The article discusses the relationship of «active measures» conducted by the secret services of the USSR and strategic foreign propaganda as an element of Soviet foreign policy. It is concluded that «active measures» influenced the further development of modern propaganda systems.*

Keywords: *information security, information and psychological warfare, «active measures», propaganda, special services.*

КОНВЕРГЕНЦИЯ НАУКИ И ГУМАНИЗМА ЧАРЛЬЗА ПЕРСИ СНОУ: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Зульфугарзаде Теймур Эльдарович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
teymurz@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу основных концептуальных подходов, направленных на сближение (интеграцию) естественных и гуманитарных наук, сформулированных в научных трудах известного английского государственного деятеля Чарльза Перси Сноу, наряду с трудами других известных гуманистов – специалистов в области психологии права – позволившими сформировать современную систему правового воспитания, формирования правосознания и правовой культуры; исследованы основные методы осуществления такой интеграции, а также проанализировано влияние цифровых гуманитарных наук на образовательную деятельность и др.*

Ключевые слова: *право, юриспруденция, правосознание, правовое воспитание, правовое поведение, правовая психология, гуманизм, наука, образование, дихотомия, культура.*

Обращаясь к вопросам психологического осмысления сущности права, основанного прежде всего на принципах гуманизма и необходимости воспитания личности с высоким уровнем правосознания, полагаем необходимым в указанной связи обратиться к творческому наследию известного английского писателя-реалиста и государственного деятеля Чарльза Перси Сноу (1905 – 1980 гг.), автору философско-психологической концепции сближения науки и гуманизма (естественных и гуманитарных наук), оказавшей значительное влияние на развитие в том числе психологии права, правового сознания, правового воспитания и правового поведения, получившей название «Дихотомия Ч. П. Сноу» и нашедшей свое воплощение в научной работе «Две культуры и научная революция» [8]. Чарльз Перси Сноу считал самого себя мостом, объединяющим эти две культуры, но он опасался, что они удаляются друг от друга. Их обитатели уже не смогли бы общаться друг с другом, потому что у большинства из них в одном из тех двух лагерей не было знаний, которыми владели обитавшие в другом. Ученые-естественники середины двадцатого века как правило редко читали сложные философские трактаты, в свою очередь не все гуманисты были бы способны описать второй закон термодинамики. Такого рода взаимное

непонимание препятствовало решению социальных проблем. «А если эти два восприятия отдалятся друг от друга», – полагал Ч. П. Сноу, – «то ни одно общество не будет способно мыслить мудро» [5, с. 156].

На протяжении десятилетий дихотомия Ч. П. Сноу разжигала в научном сообществе самые продолжительные дебаты о структуре интеллектуальной жизни, а некоторые критики придирались к его словам даже по мелочам. Многие отмечали, что Ч. П. Сноу был склонен рассматривать естественные науки как первичные, а гуманитарные как вторичные, полезные только в той мере, в какой они содействовали естественным, как служанки. Ч. П. Сноу даже называл гуманитариев «естественными-луддитами» [4, с. 29] (термин «луддит» подразумевает под собой критическое отношение личности к влиянию научно-технического прогресса).

Однако независимо от того, был ли сбалансированным подход Ч. П. Сноу, тот водораздел, который он описал, сегодня стал намного хуже, по крайней мере, в трех отношениях. Во-первых, специализация в науках резко возросла. Гуманитариям не хватает знаний в естественных науках, а естественникам – в гуманитарных, при том, что большинство естественников и гуманитариев становятся обывателями, когда они покидают свои конкретные виды специализаций. Можно было бы построить свою карьеру на изучении или истории общества Испании в первой половине девятнадцатого века, или спинов (собственный момент импульса вращающихся элементарных частиц, имеющий квантовую природу и не связанный с перемещением частицы как целого) субатомных частиц.

Во-вторых, мир меняется все быстрее. В указанной связи целесообразно отметить следующее – Ч. П. Сноу сам предполагал, что ускорявшиеся в его время перемены вынуждали объединение знаний этих двух культур, а современные технологии, которые казались научной фантастикой еще несколько лет назад, становятся реальными – дронами, заполнившими воздушное пространство, автомобилями без водителей, и медицинскими нанороботами. Несмотря на то, что такие достижения предполагают существенные потенциальные выгоды, они при этом создают хаос в жизни общества, не урегулированы достаточным образом ни в этическом, ни в правовом плане. Юристы, консультанты и представители близких специальностей уже лишаются работы из-за повсеместного внедрения новых технологий, использующих в том числе искусственный интеллект. В ближайшие годы такая же ситуация может возникнуть у машинистов локомотивов, водителей автомобилей, пилотов самолетов и др. Новые средства массового уничтожения (поражения) в руках террористов способны привести к катастрофическим последствиям. А величайшие открытия для облегчения человеческих страданий, такие как манипулирование геномом человека, могут создать угрозу самой природе человечества. Таким образом, укоренившаяся в сознании людей мудрость, к которой Чарльз Перси Сноу так страстно призывал общество, сегодня становится более важной, чем когда-либо ранее.

В-третьих, и самое фундаментальное – распад гуманистической традиции (этическая жизненная позиция, утверждающая, что люди имеют право в свободной форме определять смысл и форму своей жизни). Обе эти культуры ранее разделяли взгляд Эпохи Просвещения на то, что изучение фактов приближает нас к истине. Довольно трудно будет создать общий банк знаний этих двух культур, если одной из них отрицается сама возможность существования объективных знаний. С момента возникновения постмодернизма (разочарование в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, творчество разума, безграничность человеческих возможностей) такое отрицание в наши дни стало более распространенным в гуманитарных науках.

По нашему мнению, Ч.П. Сноу не полностью осознавал, что гуманизм представляет собой нечто больше, чем собрание фактов. Гуманизм, прежде всего, один из способов понимания, что ценно для человеческого процветания. У великой литературы и величии торжества правосудия обязательно есть нравственная цель, которой нет у естественных наук. Гуманизм, как таковой, критикует новинки мира, создаваемые технологиями, напоминая нам о том, что следующая технологическая новинка не обязательно станет следующей хорошей с точки зрения этики вещью. Судя по всему, Чарльз Перси Сноу был не вполне прав в его желании, заключающемся в том, что истинные гуманитарии должны присоединяться к естественникам в «пении гармоничного гимна во славу прогресса общества» [4, с. 28].

Гуманизм может понять размах процветания человечества только если он сосредоточится на всем том лучшем, что было со времен Афин и Иерусалима до эпохи Возрождения, Реформации и современности, на том, что современные университеты дискредитируют относительные преимущества гуманизма над наукой. Одной из причин эрозии гуманистической культуры в университетах стало доминирование в них леволиберальных прогрессистов. Многие из них не устраивает понимание роли цивилизации как в сохранении, так и отказе от традиций. Современный университет обращается со студентами как с потребителями (все более превращаясь в подобие специфического производственного предприятия), а не последователями: гуманитарные факультеты часто рекламируют актуальность того или иного курса в свете его связи с современной политикой. Но наимоднейшим тенденциям не дотянуться до реальных новшеств в науках и технологиях. Вот так гуманитарные факультеты, поддаваясь новомодным и недолговечным тенденциям, теряли абитуриентов в этом процессе.

Представляется, что прогресс социальных наук, таких как юриспруденция, экономика и психология, наведет мосты между гуманизмом и наукой – двумя культурами. В своих трудах Чарльз Перси Сноу исключал социальные науки из своей схемы в целом. Такое исключение было любопытным, потому что главным героем его длинной серии романов, «Чужие и братья» («Strangers and Brothers» – серия романов Ч. П. Сноу, опубликованные в период между 1940 и 1970 гг.), был

Льюис Эллиот, преподаватель курса юриспруденции. Сам термин «социальные науки» подразумевает, что эти дисциплины сочетают в себе применение научных аналитических методов, уделяющих особое внимание человеку, в связи с чем известный российский правовед Л.И. Петражицкий писал: «в основу образования научных теорий должно быть положено в качестве принципа научной методологии правило, что следует заботиться об адекватности теорий в смысле отнесения высказываемого к надлежащим, достаточно обширным классам объектов» [2, с. 76].

Тем не менее этот культурный разрыв повторяется и в рамках социальных наук. Например, в университетах факультеты политики поделены, как известно, между учеными-политологами (специалистами в сфере государствоведения) и политическими теоретиками (специалистами в сфере политической философии). Политологи применяют количественные подходы к изучению и прогнозированию таких явлений, как распределение голосов избирателей. Теоретики сосредоточены на нормативных теориях юстиции. Для теоретиков политическая философия остается основной дисциплиной, потому что выявленные политологами факты должны быть теоретически оценены. Как и профессора гуманитарных наук, они со времен Платона настаивали на применении их знаний в политической философии для оценки фактов, выявляемых их более научно-мыслящими коллегами.

По мнению профессора Конституционного права Северо-Западного университета США Джона О. Макгинниса, его собственная специализация в сфере права «отражает сегодня аналогичное размежевание между теми, кто задаются вопросами, чем является право, и теми, кто спрашивают, каковым оно должно быть. Новое поколение профессоров права пользуется эмпирическими методами для прогнозирования судебных решений, не рассуждает о том, что говорят судьи, а изучает их характеристики, такие как идеология политиков, которые их назначили судьями. Но ни одно такое исследование не сможет подсказать судье, какое ему или ей принять решение по трудному делу. Только понимание природы права сможет» [7].

Представляется удивительным, но Чарльз Перси Сноу не предлагал, какими способами можно было бы улучшить интеграцию двух культур посредством обучения, кроме как похвал, как ни странно, возвеличиванию науки в исчезнувшем в наше время с политической карты мира Советском Союзе. Полагаем, что таковой подход был сформирован Ч. П. Сноу в том числе на основе теории гуманизма, сформированного Ф. М. Достоевским, ставшими бесценными для правовой науки [3, с. 21]. Но даже при интеллектуальной фрагментации двух культур за последние более чем шесть десятилетий образовательные организации высшего образования, как мы считаем, могли бы лучше обучать своих студентов и выпускать их во внешний мир, обеспечив надежными знаниями обеих культур. Важнейшей из реформ стало бы создание базовой учебной программы, включающей в себя чтение великих произведений цивилизации. Ничто не даст нам лучшего понимания цивилизационной мудрости, чем достижения ее самых

глубоких мыслителей и выдающихся художников и артистов. Самой по себе науки недостаточно для адекватного понимания моральных, политических и эстетических отличий, необходимых для сохранения цивилизации.

К сожалению, многие из современных университетов вместо этого стали попросту принуждать студентов пройти в какой-то форме курсы гуманитарных наук – иногда специализированные курсы, которые для современных университетских профессоров считаются самыми легкими для преподавания. Такие требования не смогут заложить в студентах основу для критической оценки сегодняшних дилемм, стоящих перед ученым сообществом, не говоря уже о будущих. Наоборот, базовая учебная программа должна будет научить студентов рассуждать всем вместе в общем разговоре в университетском городке; еще со времен диалогов Платона и поныне дискурсы стали сутью гуманизма.

Ставшее общераспространенным представление о том, что студентов необходимо обучать применению только аналитических методов, а не общим знаниям, является, по нашему мнению, ошибочным. Хотя экономика способна создать основу для усложненного анализа по методу затрат и выгод, только понимание человеческой природы, руководимое перечнем его самых главных достижений, сможет заполнить квадратики матрицы затрат и выгод. Например, как отмечает профессор Д.О. Макгиннис, «программы вида учебной программы общего образования Гарвардского университета, требующие ознакомления с разными дисциплинами, не способны соперничать с программами вида базового обучения Колумбийского университета, который погружает студентов в изучение обязательных дисциплин. Особенно похвально решение Колумбийского университета ввести учебную программу по изучению великих книг цивилизации даже для студентов инженерных специальностей: она создаст у будущих инженеров фундамент для всестороннего размышления о платформах, которые они смогут создать» [7].

И наоборот, придание акцента детальным методам подходит для преподавания наук гуманитариям. Ни один студент, специализирующийся в гуманитарных науках, не способен овладеть всеми деталями даже в одной научной области. Более важно понимание метода, а не контента наук, что позволит образованным мужчинам и женщинам лучше участвовать в жизни современного общества. Понимание ограничений, а также возможностей таких методов, повысит долю скептицизма в научных претензиях в эпоху, когда ослепительный прогресс технологий сможет затмить нам взор на реальную ограниченность наук. Знание статистики помогает отметить ложные заявления о достоверности, которые некоторые делают от имени науки; и наоборот, признание того, что наука ограничена в создании фактических предсказаний, поможет студентам выделять эти прогностические претензии из предложений политиков. Например, даже если наука доказывает, что глобальное потепление, похоже на то, происходит, остается открытым вопросом о том, насколько мы должны сосредоточиться на адаптации к нему, а не в предотвращении его.

В процессе рассмотрения основных аспектов истории науки и ее методов следует также придавать больший акцент как научному, так и гуманитарному образованию. Действительно, наука в прошлом уже подвергла ревизии взгляды гуманистов и делает это снова: после открытия вращения Земли вокруг Солнца, человек уже больше не находится в центре вселенной. После открытия эволюции человек является больше не особым творением, а одним из многих видов. А сегодня возрастающая способность компьютеров превосходить нас в решении одной задачи за другой снова бросает вызовы самооценкам человека. Университеты будут готовить студентов к таким будущим вызовам, погружая их в знание прошлых.

Научные открытия о природе людей способны ограничить порою непослушное утопическое политическое воображение гуманистов и политических теоретиков. Знание фактов ограничивает наши моральные и политические возможности: то, что мы должны будем сделать, ограничено тем, что мы способны сделать. Политическая мудрость не может быть отделена от фундаментальных знаний о человеческой природе, например, наших индивидуальных интересов. Таким, например, являлся ведущий эксперт в мире по муравьям, социобиолог Э.О. Уилсон, который отвергал марксизм четырьмя словами: «Теория превосходна, дурные проявления» [6, с. 32].

Как сила технологий, так и методология наук способны в настоящее время упорядочивать движение в поддержку гуманитарных дисциплин. Сегодняшние технологии предлагают временной туннель в прошлое. Например, Джейн Остен – труд которой Ч. П. Сноу использовал в качестве примера этого движения, – писала своей сестре, что она пыталась списать всех своих персонажей в романе «Гордость и предубеждение» [1] (первое издание вышло в 1813 г.) с портретной галереи выставки в Британском институте в Лондоне (полное название British Institution for Promoting the Fine Arts in the United Kingdom). Совсем недавно историки создали онлайн-виртуальную экскурсию по реконструированной в цифровом виде выставке, которую Д. Остин посетила в 1813 г., позволяющую нам визуализировать персонажей ее произведения. Один из подобных примеров в права вытекает из новой способности представителей юридической специальности сопоставлять все словоупотребления любого слова (например, слова «торговля») в рамках ряда текстов (например, дебатов, связанных с изданием нормативных правовых актов в сфере государственного регулирования торговли), что позволяет нам понимать точнее его смысл в историческом контексте.

Такое креативное пользование большими данными (Big Data), да еще в совокупности с возможностями упомянутого выше искусственного интеллекта (ИИ), может в некотором роде приблизить к прошлому тех, кто тогда на самом деле жили. Немногие люди в 1813 г. посетили эту знаменитую лондонскую выставку. А в 1789 г. систематическая каталогизация использования какого-либо слова в нормативном правовом акте, регулирующем правила торговли,

и связанных с ней документах потребовала бы кропотливых усилий и, возможно, была бы даже неосуществимой.

В более общем плане, сегодняшнее распространение так называемых «цифровых гуманитарных наук» (область исследований, обучения и созидания, образовавшаяся на стыке компьютерных и гуманитарных наук), обещает появление новых идей и более строгих критериев доказанности с использованием компьютеров для оцифровки текстов, начиная от литературных произведений и заканчивая историческими источниками, с использованием алгоритмов при их классификации и сортировании. Было бы геркулесовым заданием прочитать все романы, написанные в семнадцатом и восемнадцатом веках, но цифровые гуманитарии уже оценили с помощью компьютеров названия всех них, и продемонстрировали, что они становились значительно короче и ярче, что свидетельствует о том, что их авторам было нелегко конкурировать в борьбе за массовую аудиторию. И зачастую расплывчатые мнения гуманитариев о том, что образность представлений менялась с классической на романтическую, сегодня можно подтвердить более точными, проверенными статистическими методами, примененными к сотням работ.

Несомненно, цифровые гуманитарные науки не способны заменить детального прочтения отдельных текстов. Тем не менее, цифровые гуманитарные науки, в некотором и важном смысле, противостоят постмодернизму, потому что они выставляют вперед и в центр требования истинности, применяя более строгие проверки научных гипотез. Они, скорее, оснастят студентов полезными статистическими навыками, чем политически деформированными методами, популярными на многих гуманитарных факультетах. Такое сочетание методов отвечает самому глубокому гуманистическому кредо: ничто человеческое человеку не чуждо.

Другой подход к интеграции естественных наук с гуманитарными дисциплинами связан с эволюционной биологией (изучение происхождения видов от общих предков). Сосредотачиваясь на изучении культур, современные гуманитарные науки игнорируют биологию при том, что культура произрастает не только из социальных процессов, но и, используя кибернетическую лексику, из сложной вычислительной архитектуры человеческого разума, сформированной миллионами лет естественного отбора.

В действительности власть как таковая прежде всего является самым и явным из всех других отражений человеческой природы. Принимая нормативный правовой акт правотворцы стараются создать прежде всего документ, отвечающий сути человеческой природы. В противном случае нормативный акт будет изначально обречен на неприятие со стороны общественных институтов и впоследствии может быть и скорее всего будет отменен.

Основываясь на наследии Чарльза Перси Сноу и его предшественников, мы способны рассуждать о той степени, в которой основы государственной власти соответствуют наилучшему пониманию человеческой природы, как это понимается

в биологии. Основы гуманитарных дисциплин могут быть пересмотрены под углом подхода Ч. Дарвина. Литературное произведение, к примеру, отражает человеческую натуру через преломление культуры места и времени и чувств его автора. Эволюционная биология помогает понять, почему некоторые проблемы, в частности, агрессия, аморальность, обман, отклоняющее поведение индивида, – повторяющиеся темы в литературе и даже сходны в разных культурах и литературных формах. Связь литературы с биологическими особенностями дает понять, как наука может помочь подчеркнуть нашу общую человечность и самым непосредственным образом влияет на формирование правосознания членов общества, привитие правовой культуры, основанной на отторжении аморальности и неприятию противоправного поведения.

Эволюционная психология (изучение видоспецифических психологических особенностей человека как представителя вида *Homo sapiens*) помогает понять, почему человек читает. Как правило, людей больше привлекают вымышленные великие персонажи, нежели многие реальные люди. Это происходит из-за того, что развитое в человеке познание лучше воспринимает информацию в формах повествования. Читателю нравятся книги по той же причине, по которой ему нравятся сплетни. Человек извлекает из них полезные уроки о том, как жить, какие модели поведения целесообразно выстраивать, о том, как другие манипулируют миром и обманывают окружающих, и о том, как завоевать любовь и преданность. В каком-то смысле это понимание не является чем-то новым: античные писатели считали свои истории образцами морали. И это подтверждает, что литература и полезна, и прекрасна.

Завершая исследование отметим, что путем объединения (сочленения) социальных и гуманитарных наук с биологией, образовательные организации будут способны снова помочь обучающимся ощутить единство знаний на фоне сложности наличия многих дисциплин, сформировать высокий уровень правосознания и правовой культуры. Ведь один из практических путей интеграции двух культур состоит в понуждении студентов оценить политические, моральные и этические проблемы, возникающие с появлением новых технологий, таких, например, как вмешательства в геном. Для этого будет необходимо понимание технологий и наук, при этом для обучения противостоянию технологиям морально и политически, потребуются знания традиций, которые формируют суждения. В эпоху технологического ускорения одним из лучших способов превратить прошлое в актуальное состоит в рассмотрении будущего.

Чарльз Перси Сноу полагал, что водораздел между этими двумя культурами только лишь отражал то неведение, которое улучшилось бы фактическими знаниями. На самом деле, две эти культуры имеют разные цели. Естественные науки заняты преобразованием и овладением миром; гуманитарные – оценкой этих преобразований и пониманием людьми самих себя. По нашему мнению, чем быстрее человек будет преобразовывать мир с применением результатов естественных наук, тем больше ему понадобятся возрожденные гуманитарные

науки для самопонимания, самоощущения и самодисциплины при навигации по порогам потока на его пути, что и далее будет способствовать формированию у него корректных моделей правового поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Остен Д. Гордость и предубеждение. М.: Эксмо, 2015
2. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. М.: Ленанд, 2015.
3. Сафаров П.И.-оглы. Теория гуманизма Ф.М. Достоевского, или Художественная литература в уголовно-правовой науке // История государства и права. 2011. № 20. С. 20 – 22.
4. Сноу Ч.П. Две культуры /Ч. П. Сноу. // Сборник публицистических работ. М., 1973. С. 18 – 31.
5. Сноу Ч.П. Две культуры и научная революция / Ч. П. Сноу «Портреты и размышления». М.: Изд. «Прогресс», 1985, С. 195 – 226.
6. Уилсон Э. О. О природе человека / Пер. с англ. Т. О. Новиковой; вступ. ст. и науч. ред. А. В. Быкова. М.: Кучковополе, 2015.
7. McGinnis, J.O. Bridging C. P. Snow's Two Cultures // Manhattan Institute for Policy Research, Inc. 2018. Spring. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.city-journal.org/html/bridging-c-p-snows-two-cultures-15837.html> (дата обращения: 27.12.2018).
8. Charles Percy Snow. The Two Cultures and the Scientific Revolution: The Rede Lecture, Cambridge University Press, 1959.

CONVERGENCE OF SCIENCE AND HUMANISM BY CHARLES PERCY SNOW: LEGAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Zulfugarzade Teymur E.,
PhD in Juridical sciences,
Associate Professor, Academic Department of Civil Law,
Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. *The article analyzes the main conceptual approaches aimed at the convergence (integration) of Natural Sciences and Humanities, formulated in the scientific works of the famous English statesman C. P. Snow, along with the works of other well – known humanists – specialists in the field of psychology of law-allowed to form a modern system of legal education, the formation of legal consciousness and legal culture, etc.*

Keywords: *law, jurisprudence, legal consciousness, legal education, legal behavior, legal psychology, humanism, science, education, dichotomy, culture.*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Щукин Александр Валерьевич,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси
AShchukin@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы повышения правовой культуры личности. Рассматриваются методология исследования правовой культуры, а также ее структурные элементы, среди которых системообразующим выделяется правосознание. Отмечаются негативные тенденции в сфере правоприменения, связанные с упором на усиления ответственности, вместо создания условий для формирования правовой культуры личности, общества, государства.

Ключевые слова: правовая культура, правовые ценности, правосознание, правовой идеализм, правовой нигилизм.

Современная правовая действительность на постсоветском пространстве характеризуется достаточно развитой законодательной базой. Однако обеспечение ее эффективного функционирования рассматривается зачастую в ракурсе усиления мер ответственности, что характерно для начальных этапов формирования государственности. В настоящее время состоятельность такого подхода все чаще оспаривается в пользу создания условий для формирования правовой культуры, развития правосознания личности, формирования ее ценностных ориентаций, что позволяет значительно эффективнее обеспечивать законность и правопорядок в обществе.

Нередко отмечается, что «вопреки обыденному представлению ни позитивные, ни негативные санкции сами по себе не в состоянии обеспечить выполнения должного и воздержание от запретного поведения, ибо между поведением и санкционированием нет механической связи типа «стимул - реакция». Нужно иметь в виду относительно автономный характер ценностно-нормативной сферы личности, её конкретное содержание, характер усвоенных ценностей, норм, установок и ориентации, опосредовавших разные стороны социальной действительности, и в частности её правовую сферу» [9]. Иными словами «исследования показывают, что тот или иной человек не совершает противоправных действий в большей степени не потому, что предвидит соответствующее наказание, а именно потому, что сам считает этот поступок

недостойным, опасным, противоречащим жизненным принципам, системе ценностей и т. д.» [9].

Сказанное означает о высокой степени актуальности проблем состояния правовой культуры, связанной с необходимостью проведения анализа ее структурных компонентов для определения их качественных характеристик, выявления наметившегося дисбаланса между ними и устранения причин, негативно влияющих на правовую культуру, оптимизацию ее структуры. Научные исследования в области повышения правовой культуры личности остаются во многом фрагментарными несмотря на то, что их проведение и воплощение на практике имеет значительный потенциал для совершенствования процесса функционирования правовой системы.

В зависимости от применяемой методологии и целей, которые ставят перед собой конкретные исследователи, существует множество определений понятия правовой культуры. В подтверждение можно привести некоторые из них. В рамках ценностного подхода, ориентированного на изучение отдельных элементов культуры, их качественного состояния, предметом изучения выступают правосознание, юридическая наука, правовая деятельность, юридические акты и соответствующие материальные предметы. Это направление представлено одним из наиболее видных российских и советских ученых А.А. Алексеевым, отмечавшим, что «правовая культура – это общее состояние «юридических дел» в обществе, т.е. состояние законодательства, положения и работы суда, всех правоохранительных органов, правосознания всего населения страны, выражающее уровень развития права и правосознания, их место в жизни общества, усвоение правовых ценностей, их реализацию на практике, осуществление требования верховенства права» [1, С. 51].

В рамках социологического подхода под культурой понимают «специфическую, генетически ненаследуемую совокупность средств, способов, форм образцов и ориентиров взаимодействия людей со средой существования, которые они вырабатывают в совместной жизнедеятельности для поддержания стабильного развития личности и общества» [1, С. 81]. Данный подход позволяет исследовать внешние признаки проявления правовой культуры на основе фактических данных, получаемых на основе наблюдения, анкетирования, анализа статистики, обобщения судебной и правоприменительной практики, выявлять эффективность и прогнозировать социальные последствия, например, при разработке нормативно-правовых актов.

Среди общефилософских методов, позволяющих изучать закономерности формирования и воплощения правовой культуры личности в реальности, значительный интерес представляет структурализм и функционализм. В первом случае предполагается рассмотрение правовой культуры как системы взаимосвязанных элементов, структур. Функционализм подчеркивает, что, помимо этого, все элементы несут определенную функцию и это позволяет выделять определенные системно организованные социальные целостности.

На основе синтеза структурализма и функционализма с середины XX ст. возник и стал наиболее широко используемым методом познания изучаемых объектов системный подход. Его использование позволяет изучать сложный комплекс взаимодействий различных элементов правовой культуры, оценить их количественный, качественный потенциал, системообразующие факторы.

Системный подход предполагает, что любая система (объект) рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов (компонентов), имеющая выход (цель), вход (ресурсы), связь с внешней средой, обратную связь. Это наиболее сложный подход. Он представляет собой форму приложения теории познания и диалектики к исследованию процессов, происходящих в природе, обществе, мышлении. Его сущность состоит в реализации требований общей теории систем, согласно которой каждый объект в процессе его исследования должен рассматриваться как большая и сложная система и одновременно как элемент более общей системы [1].

Системный анализ правовой культуры личности, а также сформировавшийся впоследствии на его базе метод правового моделирования, при помощи которого создается виртуальная модель правового регулирования будущих социальных отношений, рассматриваются отдельными авторами как наиболее перспективные. Так, российский ученый Гуляихин В.Н. на основе системного подхода определяет правовую культуру как «духовную и материальную систему правовой жизни социума, детерминируемую общественно-экономическим строем, и оцениваемую исходя из достигнутого уровня развития правосознания, правовой деятельности, юридической техники и эволюции человека как субъекта права» [3].

В целом существование различных подходов и определений правовой культуры личности обусловлено сложностью предмета исследования и в каждом случае определяется областью и уровнем применения его результатов. Вследствие этого необходимо говорить о проведении комплексных исследований, позволяющих соотносить выводы, полученные при использовании различных методов. Однако в определении правовой культуры личности следует, прежде всего, отметить, что это отдельная разновидность человеческой культуры, которая является выражением других духовных и материальных творений человека – художественных произведений, теорий, идей, которые в свою очередь наполняют содержанием культуру правовую.

В структуре правовой культуры личности выделяется ряд элементов, которые также варьируются в различных научных источниках и свидетельствует о том, что такое разграничение довольно условно. Например, отмечается, что «правовая культура личности являет собой личностное прогрессивное восприятие достижений юридической науки и практики, сочетающееся с внутренним убеждением в их объективной значимости, важности, специфической ценности, предопределяющих активность индивида в реализации этих ценностей» [7, С. 279].

Н.И. Матузов в качестве наиболее характерных черт (слагаемых) правовой культуры личности выделял: «1) достаточно высокий (приемлемый) уровень правосознания; 2) знание действующих законов страны (незнание законов не освобождает человека от ответственности за их нарушение); 3) соблюдение, исполнение или использование этих законов, ибо одно только знание юридических предписаний не может дать желаемого эффекта; 4) убеждение в необходимости, полезности, целесообразности законов и иных правовых актов, внутреннее согласие с ними; 5) правильное понимание (осознание) своих прав и обязанностей, свободы и ответственности, своего положения (статуса) в обществе, норм взаимоотношений с другими людьми, согражданами; 6) правовая активность, т.е. целенаправленная инициативная деятельность субъекта по пресечению правонарушений; противодействие беззаконию; поддержание правопорядка и законопослушания в обществе; преодоление правового нигилизма» [6].

Несмотря на различные подходы большинство авторов согласны, что системообразующим компонентом правовой культуры личности является правосознание. Оно представляет собой одну из форм общественного сознания наряду с политическим, нравственным, научным, художественным, философским и т.д. и выражается в знании и оценке принятых в данном обществе в качестве юридических законов нормативов социально-экономической деятельности различных субъектов права [12, С. 492]. В некоторых источниках правосознанию придается первостепенное конституирующее значение, т.к. оно пронизывает все сферы общественной жизни, в том числе, нравственную, политическую, экономическую и поскольку ни одна из них не может противоречить праву оно является их квинтэссенцией [7, С. 259].

В теории права правосознание определяют как сложный и комплексный процесс истинного, ошибочного или ложного восприятия, отражения, осмысления и выражения идеализированной в индивидуальном человеческом мышлении действительности [7, С. 261].

В свое время видный русский и мировой исследователь И.А. Ильин на примере развернутой картины состояния правосознания в русском обществе, отмечал ключевое влияние этого явления на историю государства. С недостатками его развития он в первую очередь связывал бедствия, обрушившиеся в период Октябрьской революции и последовавшей гражданской войны. Его высказывания звучат актуально и в современный период: «Недуги и дефекты русского национального правосознания», веками слагаясь и зрея, привели русское общество к катастрофе. В их числе он называл, прежде всего, «слабое, поврежденное чувство собственного духовного достоинства» в русском человеке, отсутствие в нем способности «к внутренней духовно-волевой самодисциплине и к внешнему общественно-политическому самоуправлению». Автономное правосознание – в вопросах имущества, обязательства, чести, долга, лояльности, служения – или совсем не жило в душе русского человека, полагал Ильин, или

пульсировало слабо и неверно; «в нем не выросли и в него не вросли те внутренние грани государственного разума и правовой мотивации, без которых свобода есть разнузданность, власть - доходное место, государство - общественный пирог, а выборы - подкуп слабого обманщиком» [4].

В своих выводах И.А. Ильин отмечал: «прятие родины, права, государства и власти личною любовью, уважением, доверием, волею и мыслью - составляет самую основную сущность нормального правосознания и государственного национально-духовного расцвета. Заставить любить и желать нельзя; но воспитывать волю, но возвращать любовь, но образовывать мысль можно и должно» [4].

Если советский период, где зачастую использовались репрессии, расправы, господствовала одна партия и идеология, социалистическая мораль преобладала над правом, мало что привнес положительного в сферу правосознания, то современное правосознание основано на прочном фундаменте конституционного и текущего законодательства, демократических ценностях, признании неотъемлемых прав человека. Но не следует полагать, что само по себе провозглашение этих ценностей гарантирует их однозначное восприятие в обществе и безусловное воплощение на практике. Определенный разрыв между идеалами и реальностью, особенно в период становления современного белорусского государства, необходимости обеспечения стабильности вполне закономерен. Существенную роль здесь играют также исторические традиции, менталитет белорусского народа, о чем будет сказано ниже, а зачастую политика, когда право становится инструментом не справедливости, а приобретения или удержания власти.

Рассматривая наличие системы общепризнанных духовных ценностей, как залог нормального функционирования общества, среди которых правосознание выступает в качестве одного из значимых, О.А. Павловская отмечает ряд современных тенденций: «В настоящее время в обществе остро ощущается ценностный кризис, который обусловлен его переходным состоянием от «старых» ценностей индустриальной эпохи к новым ценностям информационной цивилизации... Потеряли свою значимость и эффективность для большинства населения общепринятые, официально санкционированные ценности предыдущей социально-исторической эпохи. Новые же ценности, в которых бы отражался дух времени, перспективные социально-значимые цели еще не оформились должным образом и не достигли уровня общественного признания» [8, С. 115].

Показательным в этом отношении является переломный период нашей истории перехода от советского строя к современному в 90-х годах прошлого столетия, когда происходил коренной и болезненный пересмотр устоявшихся ранее взглядов и убеждений. Один из виднейших белорусских ученых того периода В.А. Круталевич отмечал: «Вполне понятно, что в оценке нынешнего состояния государственного строительства нужны новые подходы. Настало время объективного критического анализа произошедших преобразований

в государственной и общественной жизни. Любая популярная, внешне привлекательная теория обнаруживает свои плюсы и минусы, когда становится ориентиром практических действий. Впрочем, мы весьма доверчиво относимся к заимствованным идеям. И если что-то не получается в практическом их претворении, то спешим сделать вывод: сбились с начертанной теорией стези. И не задумываемся над тем, а применимы к нашим непростым условиям заимствованные интеллектуальные ценности» [5, С. 23-22].

Далее В.А. Круталевич приходит к неожиданным выводам: «Во все времена законность, связанность правом всех и каждого считались высокими положительными качествами государственной организации. Призывавшие к торжеству законности и правопорядка неизменно могли рассчитывать на политические дивиденды. К законности, правопорядку взывали классы, терявшие власть, и политические силы, идущие к власти и, следовательно, насаждающие угодные им новые порядки» [5, С. 21-22].

В теории правосознание традиционно принято классифицировать на обыденное, профессиональное, научное. Однако в названном выше случае правосознание представляется не только неоднородным, но и обнаруживает противоречия. Налицо желание превозносить законы и их исключительную способность решать насущные проблемы общества со стороны отдельных политических сил. Такое явление в теории права именуют правовым идеализмом – термином, введенным российским ученым Н.И. Матузовым. Среди причин его распространения называют особенности исторического развития, отсутствие развитых демократических традиций; культивируемый десятилетиями и столетиями «правовой голод»; идеализация жизненного уклада многих западных государств, механическое перенесение их традиций на отечественную почву; неразвитое или деформированное правосознание; дефицит политико-правовой культуры [2].

Отмечая некоторые тенденции идеализма на начальных этапах развития Республики Беларусь, В.А. Круталевич отмечал: «Привлекательна идея – осуществление государственного управления с помощью закона. Но надо видеть реальные возможности законодательства как регулятора общественных отношений. Законы-то творит государство. Оно же призвано обеспечить и их выполнение. Состояние законности в конце концов зависит от жизнеспособности общественного и государственного строя» [5, С. 23].

В целом идеализм в праве рассматривается как негативное явление, стоящее на пути к построению демократического правового государства. Однако более распространенным и вызывающим большую обеспокоенность является правовой нигилизм. В это понятие обычно вкладывают отрицание права как социального института, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей. Такой юридический нигилизм заключается в отрицании законов, что может приводить к противоправным действиям, хаосу и, в целом, тормозить развитие правовой системы [10]. Основной причиной его

распространения рассматривается знание людей о том, что законы не исполняются. Например, если известны факты о правонарушениях, за которыми не последовало наказание, его вера в силу закона падает до такого уровня, что он вообще не будет учитываться.

Правовой нигилизм в нашей стране явление довольно распространенное. В этом отношении представляют интерес данные, приводимые белорусским социологом А.А. Шафалович. В частности, согласно «данным отдела мониторинга Главного организационно-аналитического управления МВД, полностью доверяют органам внутренних дел всего 36,7 % населения (2009 г.). Причем наблюдается тенденция снижения доверия. По сведениям Независимого института социально-экономических и политических исследований, чувствуют себя незащищенными от произвола властей, милиции больше людей (46%), чем рассчитывают на их защиту (43%). ... Проблема усугубляется закрытостью системы. К слову, 80% правонарушений милиционеров вскрывает МВД» [14, С. 187].

Правовой нигилизм невозможно ликвидировать немедленно. Это трудный, длительный процесс. В качестве основных путей преодоления правового нигилизма Н.И. Матузов называет «повышение общей и правовой культуры граждан, их правового и морального сознания; совершенствование законодательства; профилактика правонарушений, и прежде всего преступлений; упрочение законности и правопорядка, государственной дисциплины; уважение и всемерная защита прав личности; массовое просвещение и правовое воспитание населения; подготовка высококвалифицированных кадров юристов; скорейшее проведение правовой реформы и др.» [6].

Однако отношение к правовому нигилизму в разные времена и разных ситуациях неоднозначно. Ряд авторов задаются вопросом, можно ли его рассматривать как часть правовой культуры или это нечто противоположное, разрушающее правовые ценности. Некоторые из них отмечают созидательный эффект нигилизма, когда он способствует совершенствованию законодательства, не отвечающего меняющимся условиям общественной жизни.

В частности, Гуляихин В.Н. задавался вопросом, имеются ли основания «для выделения в структуре правовой культуры нигилизма как ее составляющей компоненты? Как известно, она является немаловажной (с негативной стороны) характеристикой правовой культуры общества. Ведь еще в конце XIX века среди русских правоведов бытовало определение преступления как нормальной реакции нормального человека на ненормальную общественную ситуацию. Думается, что ответ на этот вопрос имеет диалектический характер: если правовой нигилизм выполняет очищающую функцию, т.е. отрицает и сменяет исторически устаревшие общественно-правовые институты, то его можно считать важным и необходимым элементом правовой культуры общества; но если он отрицает естественные права и свободы человека, то его не следует относить к структуре правовой культуры» [3].

Однако это скорее исключение, возникающее на переломных этапах истории. Чаще всего активное несоблюдение законов или пренебрежение ими, оправдываемое их несовершенством, является основной причиной хаоса и острых кризисов. Выработка справедливых законов должна предполагать совершенствование законотворческого процесса, народное представительство, воплощение принципа верховенства закона.

Тем не менее, принятия или заимствования хороших законов для любой страны становится голословным без реального обеспечения законных прав и интересов его граждан. В свою очередь это предполагает четкую и слаженную работу правоохранительных и иных органов государственной власти, обеспечивающую общественное одобрение. Но в чем должна состоять суть этой работы.

Как отмечает А.А. Шафалович, «эффективность работы правоохранительных органов определяется не только выполненным объемом работы, (плановые показатели), но и массовым сознанием, уверенностью людей, что закон действительно охраняется правоохранительными органами» [14, С. 186]. В подтверждение автор ссылается на опыт США, где в кинематографе целенаправленно создавался образ супергероя-полицейского, что принесло определенные результаты.

Низкий рейтинг правоохранительных органов Российской Федерации побудил в свое время руководство не только переименовать «милицию» в «полицию» (что было воспринято крайне неоднозначно в обществе), но и также прибегнуть к опыту США. Массовый выпуск бюджетных сериалов на тему борьбы с преступностью нередко вызывает иронию среди общественности, но, вероятно, и формирует определенное положительное общественное мнение.

В Республике Беларусь с целью соблюдения гражданами действующего законодательства в последний период наблюдается стремление ввести новые ограничения и санкции, либо ужесточить их. Это касается норм как административного, так и уголовного права. Данные меры вызывают неоднозначную оценку в обществе и способны ли коренным образом менять ситуацию, заставить людей уважать право. Очевидно, они должны быть продуманы и сочетаться с мерами убеждения, формирования соответствующей правовой культуры.

Тем не менее, к серьезным достижениям в обеспечении правопорядка за последние пять лет следует отнести снижение преступности в полтора раза со 140 920 в 2010 г. до 93 932 в 2014 г. (снижение тяжких и особо тяжких снижение не столь значительно - с 12 579 до 10 842 соответственно). Но вместе с тем значительно возросло количество административных правонарушений (до 3 967,2 тыс. с 2 596,2 тыс.) [11, С. 125].

Представляется несомненным, что должна проводиться целенаправленная политика повышения правовой культуры личности. Необходимо определение четких ориентиров, целей, способов ее формирования с учетом особенностей

развития нашей республики. Такая программа должна носить комплексный характер и включать в себя направления, связанные с повышением уровня знаний в области права, совершенствованием системы оказания юридической помощи населению, обеспечением доступности средств правовой защиты.

Таким образом, наличие негативных явлений в сфере правоприменения должно учитывать исторические условия, оказавшие существенное влияние на особенности менталитета людей. Многочисленные международные конфликты, долгое существование крепостного права, диктатура пролетариата, советская командно-административная система не способствовали укреплению веры в возникновение реальной возможности отстаивать чьи-либо интересы на основе норм права. Наоборот, в обществе сильны ожидания того, что эти интересы будет отстаивать кто-то свыше в виде властных структур. Это не всегда результат отсутствия реальных механизмов защиты прав, а зачастую незнание или отсутствие навыков их использования, то есть недостатки правовой культуры общества или отдельных людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву: Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2002.
2. Герасимюк М.С., Чигирева Е.О. Правовой идеализм и правовой нигилизм как причина и следствие. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.w3.org/TR/xhtml1/DTD/xhtml1-transitional.dtd> (дата обращения: 06.09.2017).
3. Гуляихин В.Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки / Юридические исследования. 2013, № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_635.html (дата обращения: 06.09.2016).
4. Ильин И. А. Теория права и государства. М.: "Зерцало", 2003 г. (воспроизводится по изданиям 1915 и 1956 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.07.2017).
5. Круталевич В.А. О Конституционном суде, законности, референдуме / Институт философии и права. Мн: АН Беларуси, 1996.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: «Юрист», 2004.
7. Общая теория права: пособие / В.А. Абрамович (и др.); под общ. ред. С. Г. Дробязко, С.А. Калинина. Минск: БГУ; издательство «четыре четверти», 2014.
8. Павловская О.А. Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / О. А. Павловская [и др.]: под ред. О.А. Павловской; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. Минск: Беларус. навука, 2011.

9. Правовая культура. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0 (дата обращения: 06.09.2017).
10. Правовой нигилизм. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%B%D0%B8%D0%B7%D0%BC (дата обращения: 06.09.2017).
11. Правонарушения в Республике Беларусь. Статистический сборник. Мн.: Министерство статистики и анализа Республики Беларусь, 2015.
12. Спиркин А.Г. Основы философии: Учеб. пособие для вузов. М.: Политиздат, 1988.
13. Степанов О.В, Самыгин П.С. Социология права: Учебное пособие / Ростов н/Д: Феникс, 2006.
14. Шафалович А.А. Социология права: учеб. пособие / А.А. Шафалович. Минск: БГЭУ, 2013.

LEGAL CULTURE OF PERSONALITY AS A KEY FACTOR IN THE FUNCTIONING OF THE LEGAL SYSTEM

Shchukin Aleksandr V.,
PhD in Juridical sciences,
senior researcher at the Institute of philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract. *This article discusses topical issues to promote legal culture of personality. Discusses the methodology of the study of legal culture and its structural elements, among which the backbone channels is allocated. Notes the negative trends in law enforcement related to the emphasis on accountability, instead of creating conditions for the formation of legal culture of the individual, society, the State.*

Keywords: *legal culture, legal values, sense of Justice, legal idealism, legal nihilism.*

НРАВСТВЕННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО БРАЧНОГО ПРАВА

Трофимец Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент
Посольство России в Испании (Мадрид)
kosareva-khv@mail.ru

Аннотация: *Философские категории «этика», «мораль» и «нравственность» имеют разное значение и не отождествляются. Не вдаваясь в научную дискуссию по этой проблеме, автор разделяет позицию этического наследия Г. Гегеля, что нравственность – основа морали, заключающаяся в подчинении личных интересов общественным и государственным. Исторически так сложилось, что именно семейное право, в состав которого входит институт брака, является самой «нравственной» отраслью права. Прямо указано в ст. 1 Семейного кодекса РФ, что ограничение семейных прав допускается на основании закона в целях защиты нравственности. Многие положения семейного права основаны на неюридических понятиях: любовь, уважение, взаимопомощь, гуманность.*

Ключевые слова: *нравственность, кризис брака, укрепление брака, условия заключения, расторжение, признание недействительным, перспективы брака.*

Вызовы XXI века осложняют соблюдение нравственной составляющей социальных регуляторов в брачной сфере. В настоящее время утрачиваются устоявшиеся веками положения института брака, на смену сложившейся форме супружества, как моногамной пожизненной связи мужчины и женщины с целью рождения и воспитания детей, приходят новые квазибрачные союзы: социально-экономическое партнерство, пожизненное партнерство, гражданское партнерство, гражданский пакт солидарности, гражданский союз, домашнее партнерство, внутреннее партнерство, зарегистрированное партнерство, незарегистрированное партнерство, фактическое сожительство и др., находящие признание не только в общественном сознании, но и в международном праве и в зарубежных правовых порядках. В последнее время брак из единственно признанного обществом и правом семейного союза мужчины и женщины превратился в одну из допустимых форм сожительства разнополых или однополых партнеров. Отмечается нежелание многих пар официально оформлять отношения, и как следствие, увеличение числа незарегистрированных сожительств; повышение внебрачной рождаемости, и вместе с тем, появление сознательной бездетности в браке и др.

Российская Федерация отреагировала на происходящие в мире процессы признания семейных прав однополых пар принятием ФЗ «О защите детей от

информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [3], устанавливающего запрет на распространение информации «отрицающей семейные ценности, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и формирующей неуважение к родителям и (или) другим членам семьи». Вводится административная ответственность по ст. 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, выразившуюся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям. Предусмотрены в качестве наказания административный арест, административное приостановление деятельности и административный штраф. Размер административного штрафа установлен для физических лиц от 4 000 до 100 000 рублей, для юридических лиц от 800 000 до 1 000 000 рублей. Названы субъекты ответственности: граждане, должностные лица и организации.

А.Д. Толстая отмечает, как одну из отличительных характеристик развития семейного права на Западе последних 20 лет, – установление юридических последствий за фактическими брачными отношениями [24, с. 21]. Сожительство (cohabitation) – это институт, урегулированный с незначительными различиями в целом ряде государств, число которых постоянно увеличивается [9, с. 521]. Можно согласиться с точкой зрения Д. Борминской, что высказывание Наполеона: «Конкубины игнорируют закон, поэтому закон игнорирует конкубинов» – уже не отражает реального положения вещей [4, с. 19]. В январе 2018 года внесение на рассмотрение в Государственную думу законопроекта по предоставлению правовой охраны фактическим сожительствам возникло не на пустом месте. Фактические сожительства – это социальная патология или норма? В зарубежном семейном законодательстве наметилась тенденция на признание юридических последствий за квазибрачными союзами, правовой статус которых, может быть различным (гражданско-правовой, семейно-правовой). В современном обществе все большее количество мужчин и женщин выбирают иные виды совместного сожительства, предпочитая не оформлять свои «супружеские» отношения путем регистрации брака.

Брак – архаизм или у него есть будущее? Пока еще рано утверждать, что брак окончательно потерял свой авторитет, однако кризис «налицо». Так, по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата) в 2016-2017 гг. продолжается наметившаяся за последние годы тенденция увеличения, хотя и незначительного, зарегистрированных браков в РФ с 985 834 (2016 г.) до 1 049 725 (2017 г.), прирост 63 891. Но, по-прежнему, наблюдается и повышение количества разводов с 608 330 (2016 г.) до 611 428 (2017 г.), увеличение на 3 098 [27]. Практически каждый второй брак распадается. Складывается ситуация, что

моральные и юридические препятствия распаду семьи сводятся практически к нулю. Такая картина не может не свидетельствовать о кризисе этого социального института: брак перестал быть экономической опорой для большинства пар, возрастает потребительское отношение к браку, размывается система нравственных принципов и др. Ученые отмечают как негативные следующие тенденции эволюции брака: «старение» брака, увеличение разницы в возрасте супругов, падение рождаемости, легкая расторжимость брака, увеличение межнациональных браков [26].

Нельзя не согласиться с мнением Н.Х. Орловой, что в истории культуры, как минимум, три системы нормирования претендовали на контроль над отношениями между полами: традиции, религия, право [18, с. 4]. Можно сделать, пожалуй, единственное замечание, что первым регулятором считается не традиция, а обычай – установившийся порядок в поведении [17]. Хотя среди ученых разных отраслей знаний идет спор относительно значения и этимологии терминов «обычай» и «традиция», их и различают, и отождествляют. В юриспруденции устоялась категория «обычай» в качестве регулятора общественных отношений в догосударственный, раннегосударственный период и в более позднее время именно «обычай» стал и остается одним из источников права. Обычаи основывались на суждениях людей о добре (нравственно-положительном) и зле (нравственно-отрицательном).

В догосударственную эпоху отечественной истории до появления брачного права (доправовой период), первые семейные обычаи, регулировавшие физиологические отношения между полами, в разных славянских племенах отличались, брак, в современном его понимании, отсутствовал, однако половая свобода не была безграничной и бесконтрольной со стороны рода. В «Повести временных лет» описание обычаев славян указывало на патриархат – тотальную власть отца и мужа. Присутствовали в обычаях сговор и дары за невесту, жестокое правило убийства жены на могиле мужа, практиковалась полигамия обеих форм (полигиния и полиандрия) и т.д. В «Повести временных лет», как в Лаврентьевском, так и в Ипатьевском списках, содержится отображение обычного семейного права восточных славян и утверждается, что «повсеместно существовало многоженство, некоторые мужчины имели по две и даже по три жены» [19, с. 266 – 267]. Сейчас вряд ли можно назвать все древние обычаи нравственными, основанными на современном понимании общечеловеческих ценностей: справедливость, равенство, свобода, ненасилие, гуманность, честность, уважение, любовь и др.

В X в. с набором политической силы церкви стало формироваться отечественное брачное право. С принятием славянскими народами христианства происходит рецепция византийского права, основанного на канонических представлениях о браке и семье. В Киевской Руси действовал Номоканон – византийские сборники церковных правил и императорских указов. Одна из редакций Номоканона была положена в основу древнерусской Кормчей книги

(XIII в.) – основного источника религиозного права в средневековой Руси. Действительно, многие нормы кодификаций византийского императора Юстиниана были воспроизведены в Кормчих книгах, в частности, правила Титула I «О брачном сговоре» 23-й книги Дигест Юстиниана [10, с. 369 – 409]. По мере влияния христианства на обычное семейное право брак трансформировался в таинство, имевшее добровольную (договорную) основу. Было введено церковное венчание, осуждалось заключение браков по традиционным обрядам язычников (обряд «у воды»).

Каноническое право вводило запреты на брак с близкими родственниками, не допускались браки при наличии духовного «родства», ограничивалось число браков (не более трех), усложнялось расторжение брака. В Кормчей книге (гл. 50) установлено: «весть приим о хотящих браку сочетатися, в первых да весть... – аще своим вольным произволением, а не принуждением ради от родителей и сродников или от господий своих... сочетатися хотят» [5, с. 413]. Однако эти нововведения не искоренили всех пережитков идолопоклонничества. В практике того периода сохранялись прежние, языческие формы совершения брака, что не одобрялось церковным правом. С точки зрения Г.Ф. Шершеневича «...действие христианства сказывалось медленно... приходилось иметь дело с такой стороной быта народного, которая отличается особенной консервативностью...еще долго встречаются указания на полное игнорирование церковного венчания...» [25, с. 410].

В XVI в. брачно-семейные отношения стали регулироваться «Домостроем». «Домострой» – это сборник правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы. Отмечаются заимствования из славянских поучений и «слов» («Измарагд», «Златоуст», «Златая цепь») и из западных источников правил поведения в быту и миру («Книга учения христианского» (Чехия), «Парижский хозяин» (Франция)). Домострой не являлся правовым актом, а лишь систематизировал и оформлял сложившиеся в то время морально-этические нормы поведения и нравоучительные тексты, касающиеся брака и семьи.

В период реформ Петра I брачное право становится светским. Новеллы сводились к следующему. Петровскими указами 1700 г., 1702 г. и 1724 г. добровольность вступления в брак перестала носить декларативный характер, прямо запрещались насильственные женитьба и замужество. В указе 1722 г. был установлен запрет на брак душевнобольных («дураков»): «...и буде по свидетельству явятся таковые, которые не в науку, ни в службу не годились, и впредь не годятся, отнюдь жениться и замуж идти не допускать и венечных памятей не давать» [23, с. 84]. Для лиц, состоящих на гражданской или военной службе, обязательно было получение разрешения начальства на брак. Повысился брачный возраст, вводилось обязательное получение согласие родителей на брак.

Более поздние периоды брачного законодательства характеризуются сохранением традиций в праве и постепенным продвижением морально-этических

положений. Последовательно реализуется постулат: право – высшая справедливость.

В действующем Семейном кодексе РФ (СК РФ) [1] «нравственность» упоминается 14 раз в основном в нормах, регулирующих вопросы воспитания и устройства несовершеннолетних детей. Положения СК РФ, составляющие брачный институт, не содержат прямого указания на «нравственность», однако условия и порядок заключения брака базируются на общечеловеческих ценностях и морально-этических стандартах:

1. Свобода и равенство при заключении брака – взаимное добровольное согласие мужчины и женщины (п. 1 ст. 12 СК РФ) и недопустимость заключения брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным вследствие психического расстройства (абз. 5 ст. 14 СК РФ);

2. Недопустимость «детских браков» в связи с принципом охраны детства, физической и психической незрелостью несовершеннолетних – достижение брачного возраста, который по общему правилу устанавливается в восемнадцать лет (п. 1 ст. 13 СК РФ);

3. Основные начала семейного законодательства (ст. 1 СК РФ), а именно, построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения – установление моногамии, что сводится к недопустимости заключения брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в другом зарегистрированном браке (абз. 2 ст. 14 СК РФ);

4. Запрет инцеста (чувство стыда, уже сложившиеся семейные роли и, конечно же, генетические проблемы) – недопустимость брака между близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами) (абз. 3 ст. 14 СК РФ);

5. Аналогично запрету инцеста (чувство стыда, уже сложившиеся семейные роли) устанавливается запрет на брак между усыновителями и усыновленными абз. 4 ст. 14 СК РФ;

6. Требование о государственной регистрации брака обусловлено поиском компромисса между частными и публичными интересами при заключении брака. Брак заключается с целью создания семьи, а семья – это ячейка общества. Семейной паре просто необходимо признание ее статуса со стороны общества и государства. Семейно-правовая охрана предоставляется лицам, надлежащим образом оформившей свои супружеские отношения (режим общей совместности имущества, презумпция отцовства, наследование по закону и др.). Для государства обязательность регистрации брака – это форма контроля в брачно-семейной сфере, возможность планировать семейную политику, решать демографические вопросы и др.

В семейном праве институт расторжения брака (развод) является сравнительно молодым, поскольку долгое время государство и право,

находившиеся под влиянием церкви, исходили из нерасторжимости брака. Да, в принципе брак является союзом пожизненным. Однако свобода брака, как его основное начало, предполагает не только свободу его заключения, но и свободу его прекращения. Несмотря на допустимость развода отношение общества к нему негативное, поскольку неблагоприятное его влияние на институт семьи очевидно. В теории права основания и специальный порядок расторжения брака – это меры, направленные на придание стабильности данной сфере общественных отношений. Вместе с тем легкая расторжимость брака не способствует укреплению данного социального института. На наш взгляд, существование административного порядка, наряду с судебным, упрощает процедуру развода, поскольку в отличие от суда, не исследуются причины распада семьи и не предпринимается попыток к сохранению брака. В настоящее время в некоторых странах допускается прекращение брака при жизни супругов только при наличии определенных оснований, при этом судебная процедура расторжения брака слишком сложна. Не исключаются такие ситуации, когда фактический распад семьи не может быть юридически оформлен ввиду отсутствия законных условий. В отдельных странах развод вообще запрещен (например, Мальта). Актуально высказывание классиков марксизма-ленинизма: «...почти всякое расторжение брака есть расторжение семьи и что даже с юридической точки зрения положение детей и их имущества не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения родителей, от того, что им заблагорассудится» [16, с. 162]. Встречались в литературе начала XX века и иные утверждения, так, А.Г. Гойхбарг писал: «Многие буржуазные законодательства, даже признававшие брак гражданским договором, все же делали из него клетку, куда вход был более или менее свободен, но которая захлопывалась наглухо, как только в нее входили, захлопывалась часто на всю жизнь, не давая выхода, заставляя задыхаться в совместной жизни двух людей, ненавидящих друг друга, друг другу опротивевших, готовых на убийство, чтобы избавиться от этого кошмара. И это ханжеское, бесчеловечное отношение к людям выставляли, как проявление высокой морали» [7, с. 62].

Полагаем, что в вопросах расторжения брака должна сформироваться разумная тенденция. Безусловно, нерасторжимым брак быть не может, поскольку это нарушает принцип свободы брака, но вместе с тем, следует ввести принцип вины при расторжении брака. Возможно, что привлечение к уголовной ответственности за прелюбодеяния это и слишком жестокая мера, но возложении имущественной ответственности на виновного в распаде семьи супруга вполне справедливо и соответствует общей концепции нравственности брачного права. И, конечно же, единственно допустимым порядком расторжения брака должен стать судебный. Целесообразно также, ввести обязательный институт медиации. Использование медиации может снять определенную нагрузку с судей, предоставить сторонам правового спора более гибкий, быстрый и

конфиденциальный инструмент урегулирования конфликта [11, с. 3]. Медиация, проводимая при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора, необходима при разрешении семейно-правовых споров в целом, и при расторжении брака, в частности.

Как уже отмечалось, государство заинтересовано в образовании прочной и здоровой семьи. С помощью права создаются различные юридические барьеры на пути заключения заведомо неполноценных браков. Однако, несмотря на правовые запреты, нарушения при заключении браков совершаются. Наличие порока в установленных условиях брака не порождает недействительность брака автоматически, более того, не всякое нарушение условий брака обязательно влечет его недействительность, Н.Н. Тарусина по этому поводу писала: «...между различными требованиями, предъявляемыми к семейному союзу мужчины и женщины, чтобы объявить его браком, существует определенная субординация» [22, с. 69]. В современном отечественном законодательстве установлена презумпция действительности брака, известная со времен Древнего Рима «*semper praesumptur pro matrimonio*», которую можно опровергнуть только в судебном порядке. До судебного признания брака недействительным он считается действительным, существующим, несмотря на наличие доказательств о заключении его с нарушением закона [13, с. 16]. В числе оснований признания брака недействительным (нарушение требований о его условиях) особо хотелось остановиться на фиктивных браках. Следует согласиться с мнением ученых, что с точки зрения доказывания дела о фиктивности брака представляют для суда значительную трудность особенно тогда, когда намерения создать семью не было только у одного из супругов, так как этот недобросовестный супруг на определенное время создает видимость семьи, а, получив желаемое (право на регистрацию по месту жительства супруга, право пользования жилым помещением супруга и др.), резко меняет свое поведение (предъявляет требование о разводе, о разделе жилой площади) [20, с. 133]. Поведение лиц при заключении фиктивных браков не только носит противоправный характер, но и глубоко безнравственно. Впрочем, как и аморален «брак по расчету», хотя формально этот брак не может быть признан недействительным. Добросовестный супруг, чьи чувства задеты, может лишь обратиться за расторжением брака. Но ведь юридические последствия при расторжении брака и при признании брака недействительным отличаются.

Государство заинтересовано в сохранении традиционных ценностей семьи и брака. Задача государства не допустить ослабления брака, которое может привести к истощению человеческого и общественного «капитала». Сильное общество основано на крепких семьях, которые в свою очередь базируются на твердых браках. И только полная семья обеспечивает устойчивость сообщества,

являясь школой добродетелей для будущих поколений. В семье формируется уважительное отношение к себе и окружающим, первая социальная адаптация происходит в семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. ст. 16.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.
3. ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. ст. 48.
4. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. №5.
5. Борминская Д. Новые тенденции в развитии семейного права: внебрачные союзы на примере отдельных европейских стран // Семейное и жилищное право. 2007. № 2.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.
7. Гегель Г. Философия права. М., 1991.
8. Гойхбарг А.Г. Сравнительное семейное право. М., 1927.
9. Головкин Р.Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: автореф. дисс...докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.
10. Гражданское и торговое право зарубежных государств / отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. Т. II. М., 2006.
11. Дигесты Юстиниана / избр. фрагм. в пер. и с прим. И.С. Перетерского. М., 1984.
12. Добролюбова Е.А. Медиация в системе способов защиты прав предпринимателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
13. Жилыева С.К., Жилыева А.А. Реформирование семейного законодательства как неотъемлемая часть государственной семейной политики по укреплению института семьи и брака // Семейное и жилищное право. 2017. №5.
14. Жюрлис Ю. Недействительность брака по советскому семейному праву: автореф. дис... канд. юрид. наук. Вильнюс, 1964.
15. Кант И. Метафизика нравов. М., 2007.
16. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 2001.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений (в 30 т.). Т. 1. М., 1955.
18. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
19. Орлова Н.Х. Эволюция христианских воззрений на пол и брак в европейской культурной традиции: автореф. дис. ... докт. философ. наук. СПб., 2006.
20. Петров И.В. Государство и право Древней Руси. СПб., 2003.
21. Пчелинцева Л.М. Семейное право России. М., 2010.
22. Сорокин П.А. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Известия Архангельского общества «Изучение Русского Севера». 1911. № 1.
23. Тарусина Н.Н. Семейное право. М., 2001.

24. Тарусина Н.Н. Семейное право: очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009.
 25. Толстая А.Д. Фактический брак: перспективы правового развития // Закон. 2005. № 10.
 26. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995.
 27. Aquilar Benitez de Lugo M. Intervencion en derecho internacional privado. Sevilla. 2005
 28. URL: gks.ru/free_doc/2017/demo/t1_2xls (обращение: 28.12.2018 г.)
-

MORALITY OF PROVISIONS OF THE MODERN MARRIAGE LAW

Trofimets Irina A.,
PhD in Juridical sciences, Associate Professor,
Embassy of Russia in Spain (Madrid)

Abstract. *Philosophical categories "ethics", "morals" and "morality" have different value and aren't identical. Without going into a scientific discussion on this problem, the author shares a position of ethical heritage of G. Hegel that morality is the basis of morals consisting in submission of personal interests to the public and state interests. Historically it has so developed that family law, which part forms the institute of marriage, is the most "moral" branch of the law. It is directly specified in Art. 1 of the Family Code of the Russian Federation that restriction of the family rights is allowed on the basis of the law for protection of morality. Many provisions of family law are based on non-legal concepts: love, respect, mutual aid, humanity.*

Keywords: *morality, marriage crisis, strengthening of marriage, conclusion condition, cancellation, recognition invalid, prospects of marriage.*

СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Иерей Михаил Никитин,
Директор Курского областного общественного учреждения
духовно-нравственного и патриотического
воспитания Центр «Милосердие»

Сущность – состояние сущего, бытие, существование. Сущный, существенный – составляющий существо, главный, важнейший, основной. Такова современная версия толкового словаря русского языка В. И. Даля.

Понятие «духовность» с точки зрения ученых относится к разряду трудно определяемых и лично сокровенных, оно вмещает в себя все, что связано с душой, что согревает и возвышает душу. Современные философы отождествляют духовность с духовной деятельностью и духовной жизнью. Духовность как «интегративное качество» включено в сферу ценностей, связанных с проблемой обретения смысла жизни и определяющих содержание и основную цель человеческого бытия. Н.Н. Никитина определяет духовность как «особый эмоциональный настрой личности, проявляющийся в тонких движениях души, обостренном восприятии всего, что окружает человека, в способности к высоким духовным состояниям и установлению таких духовных связей между людьми, в основе которых – чуткое отношение к человеку, забота о его духовном росте и благополучии».

Анализ современных исследований научной литературы по проблеме нравственности показал, что многие философы, культурологи, педагоги, психологи, исследуя сущность нравственности, в первую очередь указывают на потребности в процессе формирования нравственных представлений, раскрывающих состояние и содержание внутреннего мира человека, как индивидуальной личности.

Определенный интерес представляет позиция современного исследователя Л.М. Лузиной, отождествляющей нравственность с «простой человечностью». Автор считает, что обычные нравственные нормы – доброта, надежность, скромность и др., заключают в себе основу человеческих добродетелей, являющихся с одной стороны нравственными направляющими – путеводителями, а с другой стороны результатом самостоятельной свободной творческой деятельностью человека на пути к нравственному совершенствованию.

В последнее время многие исследователи проводят взаимосвязь между понятиями «нравственность» и «духовность» через категорию – «духовно-нравственный потенциал».

Потенциал согласно определению, данному в Большой советской энциклопедии, в широком смысле есть средства, запасы, источники, имеющиеся в

наличии, и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определённой цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи. В переносном смысле потенциал – совокупность всех имеющихся возможностей и средств в какой-либо области, либо сфере деятельности.

Сегодня распространено мнение, что духовно-нравственный потенциал может быть реализован через предметы и факультативные курсы, подобные «Основам религиозных культур и светской этики», «Основам православной культуры», а также изучением истории, литературы, биологии, изобразительного искусства, занятием музыки и физической культуры. Однако изучение историко-патриотических, естественнонаучных и иных предметов и занятий даст плоды развития нравственного, но не духовного потенциала.

Понимание сущности «духовности», «нравственности» и «духовно-нравственного» потенциала имеет практическую направленность и требует осмысленного и творческого процесса духовно-нравственного воспитания, которое сегодня становится важнейшим приоритетом государственной, образовательной и социальной политики.

Научный подход П.С. Гуревича в «Учебном пособии для вузов» выделяет три главных элемента в структуре нравственных норм: «социологический, идеологический и психологический». Нравственность и нравственная норма, по определению автора, есть «моральные средства регулирования поведенческих актов, потому что они гармонично сочетают в себе личные и общественные интересы и потребности»

Великий русский ученый физиолог Иван Петрович Павлов – первый русский лауреат Нобелевской премии утверждает: «Ничто – ни энергия, ни материя – не исчезает бесследно, и составляют ту душу, бессмертную душу, которую исповедует христианская вера».

Когда мы видим красоту природы, разве мы постигаем это только глазами и умом – мы в изумлении постигаем красоту эту всем существом своим. Но природа увядает и наступает ... разочарование

Когда мы слышим прекрасную музыку, разве мы постигаем звуки её только ушами и только умом – мы постигаем это звучание всем существом своим. Но заканчивается игра и восторг сменяется сожалением.

Любовь к человеку во сто крат больше и сильнее, чем любовь к природе, музыке и чему бы то ни было иному. Поэтому в основе любой социальной деятельности должны полагаться любовь, милосердие и сострадание одного человека к другому.

В гуманитарных науках термин «социализация» имел первоначальное значение «обобществление». Говоря о социализации, почти все ученые имели в виду развитие человека в детстве, отрочестве и юности. Лишь в последние десятилетия детство перестало быть единственным фокусом интереса исследователей, а изучение социализации распространилось на взрослость и даже

старость. Сущность социализации состоит в сочетании приспособления и обособления человека в условиях конкретного общества.

А. В. Мудрик в «Социальной педагогике» отмечает, что в процессе социализации заложен внутренний, до конца не разрешимый конфликт между мерой адаптации человека в обществе и степенью обособления его в обществе. Другими словами, эффективная социализация предполагает определенный баланс адаптации и обособления.

Социальная деятельность, социальная работа в духовном смысле – это самоотдача, самоотвержение для других, для общества, в котором живешь, для Родины, в которой взращен и духом, которой пропитан. Это прежде всего патриотическое отношение к отечеству своему, а затем и сострадание к гражданам этого Отечества. Духоносные отцы наши считали необходимым прежде дать свободу своему народу освободив его от гнета чужеземцев, а затем создавать условия для его существования, духовного становления и социального развития.

В «Повести временных лет» рассказ о Крещении Киевской Руси помещен между 986 и 989 гг.

В раннем древнерусском христианстве были представлены черты нескольких христианских учений. В Киевской Руси существовали различные христианские общины, поскольку в то время ещё не было жесткого разделения христианской церкви на римско-католическую и православную, также как не были ещё поделены и сферы влияния Западной и Восточной церквей.

Греко-православная Византия вдохнула в нас и преподала нам не только образы церковной, монашеской и христианской жизни, но и научила высшим моральным идеалам, идее государства, формам доброго управления, нраву, регулирующему семейные и общественные отношения, а также принципам обучения и образования, развития языка, техники и экономической жизни, искусства и вообще всех многообразных социальных и культурных отраслей.

Образовавшийся в Европе славянский мир обладал весомым набором свойств и качеств, которые значительно отличали его от иных как соседних, так и дальних народов. Именно славяне, их свойства духовной, нравственной, социальной, хозяйственной жизни сплавляли специфику разнообразных народов в единый социум.

В VI-X вв. христианство постепенно становится официальной государственной религией практически во всех существовавших тогда европейских странах. При этом само христианское учение, будучи, по сути, вненациональной религией, оказалось в итоге приспособленным к различным национальным особенностям тех или иных народов, объединяя их как в политических, так и в социальных аспектах.

В то время в христианском мире существовало пять патриаршеств: александрийское, антиохийское, иерусалимское, константинопольское и римское.

Римско-католическая церковь, ориентируясь на традиции западных народов, была организована на жестких иерархических началах, с полным подчинением вышестоящим церковным руководителям и с единым центром в Ватикане.

В противоборстве и одновременно в творческом взаимовлиянии различных направлений христианского вероучения и происходило становление того своеобразного явления духовной жизни, которое со временем получит название русского православия.

И уже с XI в. были совершены первые шаги к тому идеалу, который позднее зазвучит в памятниках древнерусской литературы, - «Святой Руси». Стремление Руси найти свои пути к спасению выразилось и в своеобразном прочтении темы святости. Ведь в идее святости концентрировались все основные смысловые целевые установки земного бытия русского народа. На Руси святые становились символами не только политической, но и духовной, и социальной самостоятельности.

Население России росло исключительно высокими темпами, увеличиваясь быстрее, чем в какой-либо иной европейской стране. Рост этот шёл почти исключительно за счёт внутреннего прироста, поскольку присоединения обширных и густонаселенных территорий ещё не имело место.

К началу 1680 годов население России составляло 11,2 млн. человек, а к 1796 г. выросло почти в четыре раза – до 37,7 млн. человек. Таким образом, к началу XIX в. Россия стала самой населенной страной Европы.

В 1894 году в России насчитывалось 122 млн. жителей, а 20 лет спустя её народонаселение увеличилось на 50%, превысив 180 миллионов. По расчетам Д. И. Менделеева к концу XX века народонаселение России должно было приблизиться к 600 млн. человек.

Регистрация бракосочетаний в России происходила в Церкви совершением таинства венчания. Обратного действия – расторжения церковного брака (развенчания) не было и до настоящего времени не существует. Намеренное прерывание беременности считалось страшным грехом детоубийства. Поэтому семьи были крепкими и как правило, многодетными.

Но не все многодетные семьи находились в одинаковых социальных условиях. Там, где один из родителей имел хроническое заболевание или инвалидность, там, где родители имели пристрастие к спиртному или не были приучены к труду – страдали дети. Из таких семей дети принимались в сиротские дома.

В России была создана крупнейшая в Европе система государственной благотворительности. В начале XX в. в государственный орган – Ведомство учреждений императрицы Марии – входило 683 благотворительных общества. Воспитательные дома в Москве и Петербурге ежегодно принимали более 20 тыс. сирот, под их покровительством состояло до 80 тыс. детей, находившихся в частном воспитании. Работало 176 детских приютов, 22 училища для слепых

и глухонемых детей, 40 больниц, услугами которых ежегодно пользовалось до 25 тыс. неимущих.

Главное духовное противоречие в русской жизни – соперничество традиционной русской православной духовности и светского мирозерцания. В чем же суть этого самого светского, мирского, понимания жизни? Новое мировоззрение заключалось, прежде всего, в том, что человек становится центром и целью всякого познания, мышления в целом. Это мировоззрение предлагает новое понимание идеи Бога, навязывает критическое отношение к официальной Церкви. По убеждению гуманистов наука должна стать основанием новой религии. Они обращают человеческие умы на таинственные способы познания – магию и оккультизм, в которых они видели важнейшие средства постижения Божественных истин. Магию и оккультизм гуманисты считают внешними формами научного знания. Гуманистическое мировоззрение нашло свое отражение и в создании новых политических и этических учений. Однако в духовном бытии России продолжало сохраняться и развиваться традиционное православное мирозерцание, что оказывало серьезное влияние на размышления русских мыслителей. Русские просветители смотрели на развитие новых для них экономических и социальных отношений, прежде всего с позиций усиления Российского государства, с точки зрения обеспечения национальных общественных интересов.

Для отечественных просветителей государство представлялось той силой, которая могла бы примирить интересы различных социальных сил и управлять ими. Поэтому практически все просветители активно разрабатывали идеи сильного государства, способного сохранить спокойствие и социальный достаток внутри страны и отстаивать интересы «своей» науки на международной арене.

Серьезную роль в изменении представлений о месте России во всемирной истории сыграло произошедшее во второй половине XVII века присоединение к Московскому государству Украины и Белоруссии, областей, долгие столетия находившихся под польским владычеством. Освободившая православных братьев – славян от польского владычества, Россия становится крупнейшей европейской державой.

Россия есть государство народа русского, которому Господь вверил жертвенное, исповедническое служение народа-богоносца, народа - хранителя и защитника святынь веры. Этими святынями являются религиозно-нравственные начала, позволяющие строить жизнь личную, семейную, общественную и государственную так, чтобы воспрепятствовать действию зла и дать наибольший простор силам добра. Именно таким было исторически сложившееся самовоззрение россиян. Это - основа основ русского самосознания в том виде, в котором сформировали его десять веков отечественной истории. Оно столетиями лежало в основании государственной политики Русской державы.

Первые христиане духовно родились в молодой церкви, живущей чистой духовной жизнью, ещё не знавшей пресловутых «исторических грехов». Если

тогда из двенадцати учеников один стал предателем, то гонения XX века, образно говоря, часто только одного из двенадцати оставляли верным. Страшная атмосфера общего отречения, измены, предательства, масштаб духовной и нравственной катастрофы, миллионы людей, плененных ложью и вовлеченных в расправу над Христовой Церковью, над своим народом и своей страной – все это повергло в уныние и отчаяние, произвело ощущение обреченности, безнадежности, оставленности. Потеряв веру в Бога, прежде великая, православная Россия, стала беззащитным объектом для осуществления плана небывалого в истории геноцида. Гражданская война, искусственно создаваемый голод, мученичество в лагерях и тюрьмах унесли из жизни десятки миллионов россиян. Прежде православный народ начал спаиваться и приучаться к обману и воровству, к насилию и разбою, к блуду и разврату, к систематическому уничтожению собственных детей.

В социалистическом обществе институты воспитания духовности, то есть внутреннего состояния человека и его развития, отсутствовали. Общество вполне устраивало проявление внешнего отношения человека, не имеющее внутреннего духовного стержня. И как одним из проявлений внешнего воспитания уделялось внимание физическому развитию, применяя при этом поговорку – «в здоровом теле – здоровый дух». Однако духа здорового, в правильном его понимании, там не наблюдалось. Шло планомерное падение вначале духовности, а затем и нравственности.

По слову Патриарха Алексия II: «Ещё продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета. Изнемогает наша Родина в тяжелых муках, и нет врача, исцеляющего её». Где же причина этой длительной болезни, повергающей одних в уныние, других – в отчаяние? Грех, тяготеющий над нами, – вот сокровенный корень нашей болезни, вот источник всех наших бед и злоключений. Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную мощь русских людей.

Россия дошла до крайних степеней политического унижения: сейчас «имя русское проносится с позором» по западным странам.

Завершился драматический век, ознаменованный невиданным разрушением, богоотступничеством, беспрецедентными гонениями на веру Христову. Это тяжелое время мы пережили, прежде всего, благодаря великому подвигу новомучеников и исповедников Российских. Их святыми молитвами доньше утверждается Православная Русь. Последствия гонений оказались весьма и весьма тяжкими. Души многих наших соотечественников по-прежнему опустошены, искалечены, отторгнуты от источника благодати Божией. Миллионы русских людей духовно и мировоззренчески дезориентированы, пребывают в состоянии глубокого религиозного невежества.

Сегодня к нашему народу возвращается историческая память, издревле присущий ему духовный и культурный облик.

За последние годы воссозданы и созданы многие тысячи храмов, и в них миллионы людей обретают утешение и духовную радость, устремляются к вечному спасению. Возрождение храмов — это путь к возрождению духовности и нравственности, которые так необходимы сегодня всему нашему обществу. Если народ возродится в православных добродетелях созидания, братолюбия, милосердия, он сумеет восстановить страну и по заповеди Христовой накормить голодных, одеть нагих, приютить бездомных, защитить немощных стариков и детей — сирот, ныне оставленных реформаторами — экономистами.

На пороге третьего тысячелетия, в вихре совершающихся в мире перемен особенно важным представляется опора на вечное и незыблемое — всепобеждающую любовь.

А любовь в христианстве — это внутренняя сила жизни или, по слову святителя Феофана Затворника, само-распятая жизнь, когда люди готовы носить тяготы друг друга. Здесь преодолевается эгоизм и себялюбие и другой становится таким же важным для человека, как и он сам.

Святитель Феофан Затворник в толковании на послание апостола Павла к Ефессянам говорит: «Св. Павел, посланный не гражданский быт перестраивать, а нравы людские преобразовывать, берёт гражданские состояния, как они есть, и влагает в них новый дух жизни... Переделай внутреннее, внешнее, если оно нелепо, само собой отпадает».

Поэтому внутреннее переустройство приведет и к внешнему его изменению по отношению к другим людям, а в особенности к нуждающимся в его помощи.

Напрасно думать, что духовность доступна только людям образованным, людям высокой культуры. История всех времен и народов показывает, что именно образованные слои общества, увлекаясь игрою сознания и отвлеченностями ума, гораздо легче утрачивают ту непосредственную силу доверия к познаниям внутреннего опыта, которая необходима для духовной жизни. Духовная любовь доступна всем людям, независимо от уровня их культурности. И повсюду, где она обнаруживается, она является истинным источником прочности и красоты жизни.

Жизнь человеческая подобна цветку, который почти тотчас засыхает, как скоро он распускается, и — облаку, которое рассеивается и не оставляет следа; что наши дни исчезают, как тень; что наше тело сохнет, подобно траве полевой, что жизнь самого крепкого человека есть только дыхание, что с каждым дыханием она сокращается, и что биение его пульса, подобно ударам маятника, приближает его к последнему часу.

Немецкий поэт, мыслитель Иоганн Вольфганг Гёте говорит: «Всякий, кто не верит в будущую жизнь, мертв и для этой». Как умерший, человек, уже не может творить добрых дел, так и неверующий в будущее, живёт сегодняшним днём, берёт от жизни всё, что можно, бессовестно ущемляя интересы других, а зачастую и предавая их, чтобы стяжать себе благо. Смерть для него ужас и страх безумный. У человека верующего в жизнь будущую иное мировоззрение, иное отношение к окружающим, иные духовные и нравственные ценности. Он знает, что

в будущем, посмертном времени ему придётся дать ответ за жизнь в настоящем времени, поэтому он старается как можно больше творить добрых дел и раскаивается в содеянных плохих поступках. И смерть для него - переход из одного состояния жизни в другое, где не будет печалей и скорбей, болезней, старения и смерти.

Святейший Патриарх Алексий II наставляет духовенство: «В этой жизни мы воины Христовы, которые обязаны противостоять лжи и пороку. Мы обязаны позаботиться об одежде и пище для нищих, о крове для бездомных, быть заступниками вдов, защитниками сирот и всех, несправедливо обиженных, наставниками духовно потерявшихся, утешителями для одиноких и отчаявшихся, милостивыми пастырями к кающимся грешникам, должны, для всех, кто ищет и желает, с братской любовью открывать нетленную сокровищницу спасительной Христовой веры и животворящей истины...»

Кто на протяжении тысячи лет ковал и пестовал негибимый державный дух русского патриотизма? - Церковь Православная! Кто вдохновлял отважных и укреплял малодушных, освящая дело защиты Отечества как личный религиозный долг каждого, способного носить оружие? Кто научил русского человека быть верным - без лести, мужественным - без жестокости, щедрым - без расточительства, стойким - без фанатизма, сильным - без гордости, милосердным - без тщеславия, ревностным - без гнева и злобы? - Церковь Православная!

Ведь это блаженный митрополит Кирилл, духовный наставник и сотрудник Александра Невского, рука об руку с князем отстаивал родную землю одновременно от Востока и Запада, от татарских орд и орд крестоносцев. Это святой преподобный Сергей, игумен Радонежский, благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву, предрек князю победу и – в нарушение всех обычаев и правил, как зримый образ участия Церкви Русской в борьбе за свободу родины – дал ему двух иноков-воителей, Пересвета и Ослябю, павших в сече на донских полях рядом с бесчисленными безымянными русскими ратниками, шедшими на смерть за веру и отечество, защищающих Святую Русь от господства «поганых». Это священномученик патриарх Гермоген – седой, немощный, умирающий от голода в польском застенке старик – своим властным архипастырским призывом поднял с колен погибающую от склок и междоусобиц страну, устыдил малодушных, ободрил растерянных, совокупил воедино всех, жаждущих выволить Русскую землю из иноземного, иноверческого плена, подвигнув Кузьму Минина и Дмитрия Пожарского на их жертвенный подвиг, а ратников русского ополчения - на борьбу до победы. Это святой праведный отец Иоанн Кронштадтский, всероссийский молитвенник и чудотворец, грозный обличитель «либералов» и «демократов», до последнего своего вздоха не умолкал, предупреждая народ русский о губительности равнодушия к вере, о пагубных последствиях этой духовной заразы равно для жизни церковной и государственной.

Церковная основа русского бытия сокрыта в самом сердце России, в самых глубоких корнях народного мироощущения.

Духовный и нравственный потенциал веры Христовой зарождался, возрастал и креп веками в праотцах и отцах наших. Он и сегодня в действующих и возрождающихся Домах Божиих – православных храмах.

Если мы рассматриваем потенциал, как источник и ресурс определенной мощности и действия, то потенциал духовный исходит от неисчерпаемой любви и силы Иисуса Христа, смерть и воскресение которого дало небывалый толчок в истории человечества к новому учению – учению о самопожертвовании не только ради дорогих и близких тебе людей, но ради каждого человека и ради всего человеческого общества.

Все сферы социальной политики, общественной деятельности в этом направлении социальной работы в христианском понимании основываются на любви. Любить ближнего своего, как самого себя. И в притче Евангелия от Луки в главе 10-ой разъясняется, что ближний есть человек не родственник наш близкий нам по плоти и крови, а тот, который находится в критическом положении и нуждается в нашей помощи. Поэтому социальный работник, кроме профессиональных знаний и навыков, должен быть наделен и такими душевными качествами, как сострадание, милосердие и, наконец, любовью, к вверенным ему подопечным.

Исполнять социальное служение, совершать благотворительность необходимо не только искренне, но и с любовью.

А потому любовь дающего должна быть самозабвенной. Западный подвижник Венсан де Поль, посылая одну из своих монахинь помогать бедным, сказал: «Помни – тебе нужна будет вся любовь, на которую способно твое сердце, для того чтобы люди могли тебе простить твои благодеяния...»

Потенциалом духовности является любовь. По определению Апостола:

«Любовь долготерпит, милосердствует ... любовь не превозносится ... не ищет своего ... не мыслит зла ... всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает ...»

Иными словами, любовь не может закончиться. А значит две основные заповеди Христа – возлюби Бога и возлюби человека, являются корнем и основой всех человеческих взаимоотношений. Поэтому потенциал христианской духовности и нравственности, как и в социальной работе, так и в любой сфере деятельности неисчерпаемый, неослабеваемый и нескончаемый.